

Глава 1. КАШТАНОВ

– Сережа, у тебя щетина зеленая, – сказала Родолена.

– Что? – не понял Каштанов.

– У тебя щетина на лице зеленая. Ты брился утром вчера в субботу, а сегодня воскресенье, вечер. Завтра на работу.

Каштанов подошел к зеркалу. Действительно, щетина, слегка отросшая над верхней губой, на щеках и на подбородке, была зеленой.

Жена Сергея Васильевича Каштанова, женщина-растение Родолена, подчинялась своеобразному трехмесячному ритму, сгорая в зеленом огне, превращаясь в зерно и возрождаясь в человека под влиянием влаги. Они очнулись обнаженные вечером в ванне, после того как сгорели вместе на городском балу. Сергей спас жену во время последнего в ее жизни сгорания, подарив ей остаток своей жизни.

Начальник отдела Сергей Васильевич Каштанов был высоким полнеющим мужчиной. Многие годы его сопровождала стрессовая гипертония, которую Каштанов переносил молча, переживая внутри себя. Обычно это вызывалось несправедливыми упреками начальства. Родолена своего мужа знала великолепно и всегда старалась психологически разгрузить. И лучше накормить.

К своим пятидесяти годам он набрал вес до ста десяти килограммов. Это скрадывалось просторными двубортными костюмами и ростом. К тому же супруга настолько вкусно готовила, что отказаться было практически невозможно. Каштанов родился под знаком Тельца. Это опять-таки не способствовало похуданию. Тельцы бывают и язвенного сложения, но Сергей Васильевич к таковым не относился. Умница-жена готовила из продуктов, которые сильную полноту не вызывают, но сидячая работа...

Тогда в субботу, выйдя из ванны, он сразу заметил у себя отсутствие живота.

– Смотри, Родолена! Я похудел килограммов на двадцать!

– Ага. И еще, Сережа, у тебя волосы позеленели.

Каштанов привык, что после возрождений Родолена всегда красит свои ярко-зеленые волосы в золотистый или в темно-русый цвет. К тому, что красить волосы придется и ему, надо было привыкать дополнительно.

– Ерунда, Сережа. Будем вдвое больше краски брать. У тебя многое изменится. Ты стал частью растения, половину сил отдал мне – ничего удивительного. Но кое-что у тебя добавится из моих возможностей. А главное – ху́доба тебе идет, ты такой красивый!

Каштанов посмотрел на свои ярко-зеленые волосы в зеркало и сказал:

– С таким цветом волос прийти на работу – точно уволят. Или позвонят в Сосновый Бор.

В Сосновом Бору находилась старейшая в городе психолечебница.

А в воскресенье Родолена сказала:

– Ничего. Бог с ней, с зеленой щетиной. Ты побреешься в понедельник утром. А сейчас я схожу, куплю краску. Попробую подобрать твой оттенок. Волосы надо покрасить сегодня. В понедельник, уходя на работу, под пиджак надень жилет, чтобы не было видно, как ты похудел. Скажешь, что перешел на сильную диету. Дня через четыре все привыкнут.

В понедельник Сергей Васильевич сидел на планерке, слушая бесконечные разговоры начальника и ловя себя на странной мысли. Он думал – как хорошо было бы залезть в цветочный горшок, да чтоб видоизмениться в корни, стебли и листья. Эта мысль пришла неожиданно, и Каштанов, зная способности Родолены, с удивлением ощутил, что сам может ими обладать.

Сергей Васильевич сказал об этом своей жене. Родолена, убирая со стола после ужина посуду в раковину для мытья, только усмехнулась:

– То ли еще будет. Кстати, мысль не приходит просто так. Ты попробуй.

– Что попробовать? – не понял Каштанов.

– Попробуй видоизмениться в цветок. Ты ведь не просто мужчина теперь. Ты мужчина-растение.

– А в какое растение мне видоизмениться?

– Ну, хотя бы в твою любимую душистую герань. Вон она в горшке на окне. Ты нюхаешь ее каждый день. Горшок просторный. Тебе надо представить, что ты – душистая герань. Ты уже превращался в растение на короткое время. Помнишь?

– Помнить-то помню. Но сам процесс уже забыл. Сколько лет прошло.

– Тебе нужно представить, что руки твои – это листья, туловище – стебель, ноги – корни. Ты ведь об этом думал на планерке? Ну, вот и воплощай. Стоп! Подожди. Ты ведь мужчина-растение только два дня. Тебе все надо начинать постепенно. Как первокласснику в школе.

Родолена помыла посуду, вытерла руки и откинула назад прядь волос.

– Возьми горшок с геранью, Сережа, и отнеси его в комнату.

Родолена расстелила на полу газету, и Каштанов поставил на нее горшок с душистой геранью.

– Теперь надо раздеться догола.

– Совсем догола?

– Абсолютно. Чтоб и нитки не было на теле. Давай, я тоже разденусь. Так тебе проще будет.

Последовало минутное молчаливое раздевание и шелест одежды. Каштанов уже привычно снял с себя все. Обнаженная Родолена сосредоточенно смотрела на горшок.

– Так. Ты, Сережа, единственный в мире мужчина-растение. Ты должен помнить, что мои способности есть и у тебя. Просто их надо развивать. Довести до автоматизма. Со временем тебе даже раздеваться не надо будет – ты сможешь превращать одежду в части растения. Хотя это довольно трудно и даже я стараюсь этого не делать. Когда могу. И еще. Ты должен, превращая себя в растение, мысленно сосредоточиться на земле в горшке. На субстрате, в который должны войти твои видоизмененные в корни ноги. А иначе есть риск превратиться в растение, но свалиться мимо горшка.

Родолена положила пальцы рук на край горшка. Каштанов повторил ее движение.

– Теперь, Сережа, делай то, о чем я говорила. Представляй, что руки твои – это листья...

- Всего два?
- Не поняла.
- У меня две руки. Листа тоже два будет?
- Сколько представишь себе, столько и будет.

Каштанов попытался это сделать. Даже глаза закрыл. Когда открыл – увидел, что ногти и пальцы рук позеленели, тело начало зеленеть, а вот ноги остались такими, как прежде. У Родолены все было в порядке. Она многократно уменьшилась в размерах, перетекла в горшок, тело превратилось в стебель, руки – в листья, и вот она уже весело шевелит этими руками-листьями.

Далеко не сразу, часа через два, после девятой или десятой попыток, ему удалось превратить свое тело в растение. Все это время Родолена превращалась туда и обратно вместе с ним. Он последовательно учился уменьшаться в росте, видоизменять свои руки в резные листья душистой герани, а главное – втягивать ноги-корни в цветочный горшок.

Потом они долго мылись в ванне. Потом Родолена улыбнулась и сказала:

- Давай, Сережа, муската выпьем. За твой талант и мою вторую жизнь.

Глава 2. СМОКОВНИЦА

Вечером в субботу теплым днем конца апреля Родолена и Каштанов сидели на скамейке в парке напротив желтого здания института систем управления. За двадцать лет он несколько раз менял свое название. Справа от него были художественная школа из красного кирпича и мемориальный сквер. Слева шла дорога на улицу Московский тракт. Около клумбы, напротив института, по другую сторону проспекта был фонтан.

Родолена поправила свою новую шляпу цвета кедровой хвои. Она купила ее недавно в каком-то недурном секонд-хэнде и долго примеряла дома на свои, выкрашенные в золотистый цвет, волосы. Взглянула Каштанову в глаза и усмехнулась.

- Кстати, если о наших последних приключениях написать Николо – он от зависти помрет.

- Помереть – не помрет, а вот заново каких-нибудь бандитов прислать может. Чтоб нас похитить уже вдвоем. Как великий вклад в науку. Еще бы! Единственный в мире мужчина-растение. И женщина-растение, живущая вторую жизнь.

- А потом напишет «Пособие по превращению для мужчин-растений». Собственно, в эти самые растения.

- Что-то нос у меня с утра чешется. К чему бы?

Родолена засмеялась, накинула на Каштанова свой прозрачный зеленый шарф и потрогала по носу.

- Сережка, обалдеть, ты такой красивый! Тебе пятьдесят, а выглядишь лет на тридцать пять. А на сколько лет выгляжу я?

- Лет на двадцать пять.

- Ой, ли?

- Абсолютно так.

Родолена задумалась.

- Знать бы – на сколько лет нас хватит. Ты сумасшедший. Жил бы да жил. Оживив меня, ты вдвое сократил себе оставшуюся жизнь! Ты понимаешь это?!

– Зато я научился ценить каждый день. И потом – зачем нужна такая жизнь, где нет тебя?

Родолена взяла его лицо в свои руки. Они прижались лбами, потерлись носами и жадно стали целоваться. Каштанов обнял ее, как делал это все двадцать лет совместной жизни. Минут через сорок Родолена виновато спросила:

– Что-то мне холодно. Повышенная замерзаемость. А пойдём, знаешь куда?

– Куда?

– В ботанический сад. Ведь оттуда все у нас началось.

– Пойдем. Если он работает.

– Работает. В нем у меня есть несколько подруг.

Они прошли по университетской роще. Каштанов озабоченно произнес:

– На нас тут клещи не прыгнут?

– Не должны. Рощу, вообще-то, обрабатывают. Хотя мы теперь люди-растения, может клещи таких не трогают. Интересный вопрос – влияние клещевого энцефалита на кровеносную систему людей-растений.

Они открыли железную дверь и вошли в ботанический сад. Корпус с оранжереями работал.

Родолена и Сергей Васильевич сняли плащи. Женщина достала из маленькой сумочки свернутый целлофановый пакет, подала мужу и шепнула:

– Возьми с собой.

– Зачем?

– Там увидишь.

Они прошли по оранжереям. Родолена обратилась к молодой сотруднице.

– Скажите, а фиговое дерево – инжир – смоковница – плодоносит?

– Нет. К сожалению. Хотя у нас есть и женское, и мужское дерево инжира.

Очень жаль.

Когда сотрудница отошла, Родолена понизила голос:

– Еще бы! У инжира очень сложная система размножения. Деревья – раздельнополые. На одном дереве мужские цветы не плодоносят, на другом – женские. Только один вид осы blastofaga весной откладывает яйца в мужские деревья на мужские цветы, летом самки молодых ос переносят пыльцу на женские деревья. К осени инжир снова зацветает, и яйца откладываются снова в мужские цветы мужских деревьев.

– А главное – где им эту осу взять?

– С мужских цветов. Поехать туда, где растет инжир, привезти весной яйца осы в мужском цветке инжира и попытаться пристроить его на местный экземпляр дерева. Но самое главное – у меня есть несколько яиц этих ос. С собой. Представляешь, мне привез их с конференции мой знакомый – сотрудник кафедры зоологии. Я несколько лет назад ему сказала, а он запомнил. Конференция была в другой стране. И сейчас мы попробуем эти яйца на наш мужской инжир пристроить.

Родолена подошла к фиговому дереву. И тихо сказала:

– Так, никого нет. Сережа, учись. В следующий раз в лиану превращаться тебе придется.

– Зачем?

– Угощать меня молодым инжиром.

Держа в руке маленькую открытую пробирочку с яйцами осы, Родолена изящно выскользнула из одежды. Каштанов только успел схватить платье, чулки и туфли и

проворно спрятать их в пакет. Родолена, позеленев и вытянувшись, перетекла в землю, а потом тончайшая лиана зазмеилась вокруг фигового дерева. Лиана доползла до цветка. Каштанов увидел, как пробирочка вошла в цветок. На все потребовалась минута. Также быстро лиана спустилась. На отростке лианы проступила голова Родолены.

– Сережа, быстро вытаскивай мою одежду. Сотрудницы оранжереи идут сюда.

Он поставил туфли, положил на них чулки, прикрыв все это платьем. Лиана вползла в одежду, превращаясь в Родолену.

К моменту, когда сотрудницы оранжереи подошли к ним, Родолена старательно разглаживала морщинки на левом рукаве. Она спросила сотрудницу:

– Лариса, мы как-нибудь еще зайдем?

– Заходите. Буду рада.

– Вдруг инжир даст плоды.

Лариса засмеялась.

– Очень сомневаюсь. Хотя ты у нас везучая.

Супруги оделись и вышли на улицу. Родолена чуть-чуть сдвинула на бок шляпу цвета кедровой хвои и как обычно взяла Каштанова под руку.

– Летом молодые самки ос понесут пыльцу на женские цветы. Ой, Сережа. Давай сядем на скамейку, где нет людей. Я, кажется, перепутала чулки и надела чулок с левой ноги на правую.

– А ты их чувствуешь?

– Увы.

Осенью, но не этого, а следующего года Каштановы снова пошли в ботанический сад. К тому времени Сергей Васильевич научился весьма недурно превращаться в различные растения. Они погуляли по роще, потом прошли в знакомую оранжерею. Родолена радостно засияла.

– Вот оно – женское фиговое дерево, а вон – плоды инжира. Значит, юные осы летом все-таки опылили его. Сережа, готовься превращаться в лиану!

Самым трудным было, сорвав несколько плодов инжира и грациозно положив их на ладонь жены, аккуратно вползти в собственную одежду.

О том, как рады были сотрудники сада, Родолена впоследствии часто вспоминала.

Глава 3. БЕРЕЗА

Однажды в октябре Сергея Васильевича попросили провести одно деликатное обследование. Его подвезли на «тойоте» на улицу Герцена. Здесь, рядом с городским садом, был известный в городе бассейн. Когда-то в детстве Сережа Каштанов учился в нем плавать с пенопластовой доской.

Ситуация была в следующем. Какой-то важный чиновник построил на видном месте гараж. Причем сделал это на корнях березы. И теперь хотел добиться разрешения, чтоб ее срубить.

Давать такое разрешение Сергею Васильевичу Каштанову очень не хотелось.

Дело в том, что береза была еще весьма крепкая, к тому же находилась в центре города, где вообще рубить было запрещено. Дерево можно было только списать по санитарному состоянию, но таковое у березы было хорошим. Каштанов догадывался, что его поэтому и пригласили осенью, когда листва с деревьев облетает, и списать их по болезни проще.

Он приехал, выслушал хозяина гаража – субъекта средних лет, с холодными и хитрыми глазками. Потом сказал, что примет решение позднее, отказался от обеда в ресторане, куда его зазывал хозяин гаража, и уехал домой.

Дома вечером обо всем рассказал жене. Каштанов потер переносицу.

– Дело в том, что я еще плохо знаю древесный язык.

– А давай прогуляемся до этого места, – предложила Родолена.

Они прошли по городу до улицы Герцена.

Родолена обошла гараж, погладила ствол дерева, пошептала с ним.

– Сама береза передвинуться не может. Гараж на нее поставили недавно. Если бы, Сережа, ты был Юрием Деточкиным с подъемным краном из фильма «Берегись автомобиля», все было бы решено. А так... Короче, нам нужно превратиться в какие-то сильные деревья около гаража и сдвинуть его метра на два. Только сделать ночью, чтоб никто не видел. Пойдем, на лавочке посидим.

Они пошли по улице Герцена. У городского сада Родолена мечтательно сказала:

– Как было бы хорошо, если б люди и природа научились жить в гармонии!

Потом она долго и увлекательно рассказывала Сергею о губоцветных растениях. Каштанов спросил ее про интересное растение этого семейства – буквицу лекарственную.

– Это название так и просится для твоей будущей книги стихов – сказала она.

– Ты думаешь, у меня когда-нибудь выйдет книга? – засомневался Каштанов.

– А почему бы и нет? – ответила жена.

– А может просто – «Буквица»?

– «Буквица» – это выдающееся название. А «Буквица лекарственная» – великое.

Понимаешь – тут совпадение биологии и литературы. Название заглавной буквы на странице собственного названия растения и лекарственности стихов.

Поздним вечером они вернулись на место березы и гаража.

– Сережа, с двух сторон превращаемся в сосны, поднимаем на корни гараж и двигаем его изо всех сил.

Скинув одежду, они быстро видоизменились в тридцатиметровые сосны, подняли на крупные узловатые корни гараж и сдвинули его метра на три от березы.

Береза долго их благодарила на тихом древесном языке.

Каштановы, быстро одевшись и дрожа от холода, побежали домой.

Когда на следующий день в управление приехал хозяин гаража, Сергей Васильевич попросил подвезти его еще раз к месту обследования. Каково же было удивление хозяина гаража, когда он увидел обновление.

– Ничего не понимаю. Гараж стоял в другом месте.

– Больше от меня ничего не требуется? – язвительно спросил Каштанов – Счастливого оставаться.

Глава 4. ТОБОЛЬСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Был чудесный пятничный июньский денек. С понедельника Сергей Васильевич Каштанов уходил в отпуск. А через неделю – Родолена Николаевна.

Он открыл дверь квартиры. Родолена пришла раньше и сидела у компьютера.

Ей предстояла командировка.

В Тобольске была намечена конференция по проблемам кедр. Родолена готови-

ла доклад, с которым должна была выступать. Супруги договорились ехать вместе. А после Тобольска они запланировали путешествие в Рим.

Родолена все-таки не удержалась и в письме рассказала старику Николо о том, как получила вторую жизнь. Тот забросал ее письмами, умоляя Каштановых приехать в Италию, жалуясь, что ему уже немного осталось жить, и он хочет своими глазами подивиться на такое чудо. Николо даже обещал сделать приглашение и бесплатное проживание в отеле на двоих, что частично окупило бы поездку. И Каштановы согласились, потому что других планов на отпуск у них не было.

В гостиной на столе и на стульях лежало не меньше двадцати книг по проблемам кедра, с закладками. Женщина яростно вносила правки, переходя то на английский, то на русский шрифты. Ощущение было, что от ее пальцев идет пар.

Каштанов поцеловал жену в затылок. Она обернулась, быстро ответила на поцелуй и опять повернулась к экрану.

– Сейчас, Сережа. Вставлю еще четыре правки, и все.

– Ладно, я купил блины-полуфабрикаты. Разогрею. Ты ужинала?

– Нет. Разогрей, пожалуйста. Я четыре часа сижу над докладом.

В понедельник надо было ехать. Билеты были куплены заранее.

Каштанов любил иногда заходить на городской железнодорожный вокзал. Ему, вообще, нравилось ездить в поездах. Еще с детства.

Супруги зашли в купейный вагон. В нем была скидка на проезд. На верхние полки. Дешевле чем на нижние полки в плацкартном вагоне.

Поезд отъехал от перрона. За окном пролетел тополиный привокзальный сквер. Рядом стояли дома-«хрущевки», в одном из которых маленький Сережа Каштанов жил с мамой и папой на улице Нахимова. Когда родители еще не развелись.

В Тюмени три часа ждали на вокзале и еще три часа ехали на поезде до Тобольска.

От вокзала на автобусе номер «четыре» Каштановы доехали до центра. Они остановились в уютной гостинице «Сибирь» на третьем этаже. Этаж и вся гостиница были оформлены в стиле ретро – мебель, старые фотографии, предметы быта. Вечером Родолена и Сергей прошли по улице Ремезова. Город явно располагал для прогулок.

Утром завтракали в ресторане на первом этаже.

Внешне у Каштановых все было по-прежнему, только с той поправкой, что жизнь вообще не стоит на месте. Родолена Николаевна трудилась на той же кафедре ботаники доцентом. Читала лекции, вела практику. Правда, практических занятий стало меньше. Сергей Васильевич все также руководил отделом в управлении. Только отдел разросся до полутора десятков человек.

Они научились контролировать свой необычный растительный ритм с точностью до дня. В своем городе, за два месяца до Тобольска, они превратились в зерно, успев быстро раздеться и намочив тряпку в ванной. Обнялись, вспыхнули, превратились в восьмигранное зерно и возродились в ванной от влаги.

На следующий день было дневное заседание конференции. Участники съехались из разных городов Сибири.

Родолена с блеском прочитала свой двадцатиминутный доклад и ответила на многочисленные вопросы. После обеда Каштановы продолжили ходить по старинному сибирскому городу. Посмотрели на памятники Петру Ершову, Федору Достоевскому. Обошли все музеи компактного центра Тобольска.

Внезапно Сергей Васильевич вцепился в металлические перила смотровой площадки, отделявшей верхний город от нижнего, скривился от боли.

– Сережа, что с тобой?! – встревожилась Родолена.

– Болит – простонал Каштанов.

– Где болит?

– Все тело. Мочи нет!

– Что случилось?

– Месяц назад я превратился в папоротник, – выдохнул Каштанов.

– В папоротник? – изумилась Родолена. – А зачем?

– Поэкспериментировать захотелось.

– Я же говорила тебе однажды, что это очень опасно. Отдав мне часть своей жизни, ты превратился в высшее растение. С цветами. Папоротник – споровое растение. Грибы, хвощи, плауны – все споровые, когда в них превращаешься, вызывают острую боль.

– Я думал, что боль будет, именно когда превратишься. Оказалось – никакой боли. Из меня получился весьма недурственный орляк. Боль пришла позднее, через неделю. Я вновь, минут на пятнадцать-двадцать, превратился в папоротник. Боль прошла. Неделю не приходила. А теперь вот опять.

– Все ясно. Это как наркотик. И боль не пройдет до конца нашего цикла. Пока не сгорим и не возродимся. А что побудило тебя превратиться в орляк?

– Я прочитал однажды про огнецвет – цветок папоротника. Что, когда в ночь на Ивана Купалу увидишь цветущий папоротник, тебе откроются язык зверей и птиц, тайны земли, заветные клады. И решил попробовать.

– Сережа, но это же легенда, сказка. Ради Бога, не повторяй больше подобных экспериментов. И потом, как мужчина-растение, ты должен знать язык растений и птиц. Не может цвести никакой папоротник. Ты же биолог. Вам что, цикл развития папоротника не давали?

Каштанов вытер пот со лба и тихо сказал:

– Я почему-то не научился понимать язык растений и птиц. Вот воробей чирикает, а для меня это только чириканье и ничего больше. Я подумал – пусть легенда, но что-то в ней же есть. Вдруг поможет.

– Странно. Хотя – ты первый в мире, точнее, первый в истории мужчина-растение. Как у тебя наши свойства будут проявляться, это науке неизвестно. Ладно, потом потренируемся.

– Хорошо. А сейчас мне бы в лес. Боль такая противная, в пору выть.

Родолена огляделась.

– Тут ближайший лес – или старое Завальное кладбище, где похоронены декабристы и автор «Конька-горбунка» Ершов, или на краю холма, где памятник Ермаку. Памятник Ермаку все-таки ближе. Побежим к нему. Там есть небольшая роща.

Каштановы очень быстрым шагом пошли к памятнику-колонне Ермаку. На ходу у Сергея Васильевича начали зеленеть волосы. Когда в роще никого поблизости не стало, Каштанов быстро разделся до костюма Адама и ушел в землю.

Веселое колечко молодого орляка то входило, то выходило из майской травы.

Родолена собрала одежду Сергея и ждала.

Через двадцать минут он, счастливый, обернулся опять в человека и быстро оделся. Предусмотрительная Родолена подала ему бейсболку, ибо травяные волосы Каштанова переливались всеми оттенками зеленого цвета.

– Господи, хорошо-то как! – воскликнул Каштанов.

– Замечательно – уныло отозвалась Родолена – Тебе до конца цикла еще не меньше четырех раз нужно в папоротник превращаться. Хорошо еще, что Рим – очень зеленый город. Придется итальянским соснам–пиниям увидеть папоротник из Сибири. То-то обрадуются. Пошли покупать краску для волос, горе мое. Завтра последнее заседание конференции.

Глава 5. РИМСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

– Кажется, аэропорт Толмачево, – сказала Родолена. – Подъезжаем.

Каштановы вместе с другими пассажирами покинули «газель».

Из Новосибирска Родолена и Сергей на самолете летели в Рим. В ожидании самолета попили кофе в кафе, а потом досмотр, проход и пристегивание ремней в самолете. Пока летели до Рима, Родолена дремала, а Сергей про себя повторял фразы на итальянском языке.

Аэропорт Фьюмичино принял их вечером. Сергей Васильевич, как и Родолена Николаевна, к моменту полета почти в совершенстве знал итальянский. Он не знал его, когда они с женой в первый раз летали. Но после превращения в растение усилилась скорость выучивания языков. Хотя с языками трав было еще проблематично – доходил какой-то общий смысл. Родолена говорила, что это дело наживное, главное – настроиться. На эту настройку времени не было ибо работа отнимала его львиную долю.

Они прошли в здание римского аэропорта, получили свои вещи.

Каштановы поменяли российские симкарты сотовых телефонов на итальянские и Родолена стала созваниваться с Николо. После приветствий тот сказал, чтоб ждали и что Долли Наро и его помощник выезжают для встречи. Сказал название и адрес отеля. Назвал также свой адрес и попросил приехать завтра в двенадцать.

Родолена записала, и они уселись в зале ожидания. Аэропорт им понравился демократичностью и удобством.

Через полчаса сотовый Родолены зазвонил, помощник спрашивал – где они. Попросил выйти на улицу.

Долли приветливо улыбнулась и поочередно обнялась с Родолоной и Сергеем. К ним подошел среднего роста человек, лет сорока пяти, с широкой улыбкой и колючим взглядом карих неприятных глазок. Сверкнули белоснежные зубы. Он сжал руку Родолены и горячо ее потряс, энергично пожал руку Каштанову и представился:

– Альфредо.

Они уложили сумки, сели на задние места легковой машины и поехали. Темнело.

Альфредо завез Каштановых в дом-колодец на улице Буонарроти, Долли поднялась с гостями на второй этаж, помогла им устроиться в дешевом номере, попрощалась, и Альфредо ее увез. Каштановы переночевали, утром долго нежились в постели. После принятия водных процедур стали собираться. Родолена долго, как обычно, подбирала детали к своему платью фиштакхового цвета. Выбрала из корбки серьги, бусы. Потом спросила:

– Сережа, а тебе кое-что не показалось странным?

– Что именно?

– Альфредо относился к Долли как хозяин.

– А в чем это выражалось?

– Он был за рулем. Она сидела рядом с ним. И он, как бы невзначай, положил свою ладонь на ее колено. Правда, быстро убрал. Но я заметила.

– Может, любят друг друга. Или у итальянцев так принято.

– Не знаю. Но, честно говоря, взгляд у него неприятный. Если Долли действительно влюбилась – я ей не завидую.

Каштановы покинули отель.

Николо жил в небольшой однокомнатной квартире на первом этаже с маленьким садиком в балконной части. Обстановка аскетичная – книги, папки с бумагами. Правда, мебель была старинной.

Николо с жаром поздоровался и предложил гостям сесть на маленький кожаный диван у балкона.

Ботаник очень похудел. Стал медленно ходить. Но голос был по-прежнему твердым. Он горячо произнес:

– Рассказывайте, рассказывайте!

– С какого момента? – спросила Родолена.

– А как уехали тогда из Италии. С этого момента. Мне все интересно.

И Родолена стала рассказывать. Они вели беседу на итальянском. Сергей иногда вставлял свои фразы.

Старик не перебивал. Минут через двадцать пошел на кухню позаботиться о чае.

Сам принес поднос, на котором стояли ароматный чай с бергамотом, сахар, земляничное варенье и печенье. Беседа слегка оживилась.

Родолена закончила. Николо улыбнулся.

– Да, поразительная история! Вы пейте чай, не стесняйтесь. Вашему самопожертвованию, Сергей Васильевич, можно позавидовать.

Каштанов пожал плечами. Николо взял печенюшку.

– Нет, нет, не возражайте. На это способен далеко не каждый.

– А кто такой Альфредо? – спросила Родолена.

– Альфредо – мой помощник. Не очень хорошие способности к науке, но недурные организаторские таланты.

Родолена улыбнулась.

– А как поживает Долли Наро?

– Очень даже неплохо. Учится в Римском университете. Кстати, часа через два она подъедет. Слава Богу, не забывает старика. А вы, Родолена, и вы, Сергей, конечно, не согласитесь стать кустом, чтоб дать новые поколения людей-растений?

Родолена закашлялась, захлебнувшись, и отрицательно помотала головой.

Долли действительно пришла.

Но после фразы Николо о кусте Каштановы почувствовали себя неловко. Фразы превратились в дежурные. Каштановы и Долли посидели немного и откланялись.

Долли начала увлекательно рассказывать о Риме и показала храм Санта Мариа Маджоре. Отпуск надо было проводить интересно и познавательно. Для себя Родолена и Сергей купили путеводитель по вечному городу и на другой день уже самостоятельно начали осматривать храмы и музеи, изредка заглядывая в магазины.

Так прошло пять дней. На шестой день они забрели в парк вилла Торлония. Сюда, предварительно позвонив, должна была подойти Долли и сводить их в Римский уни-

верситет. Повсюду росли сосны-пинии, пальмы, кипарисы и другие деревья.

Каштановы присели на лавку около маленькой оливковой рощи. Супруги в отеле сдали на время документы и деньги на хранение. Родолена поправила шляпу и сказала:

– Сережа, сегодня жарко. Сходи, набери, пожалуйста, воды. У входа есть фонтанчик – серый с коричневой волчьей головой. Вот, возьми бутылочку.

Каштанов взял пластиковую бутылочку и пошел к входу в парк. Он набрал воды и вернулся к оливковой роще. Но Родолены на скамейке не было.

Каштанов насторожился. Сергей Васильевич присел на скамью и стал ждать. Родолена не подходила. Он достал сотовый телефон, набрал номер жены. А потом что-то случилось. К скамейке подошли какие-то мужчины. Трое. Один с наручниками.

Каштанов мгновенно все понял, обернулся вьюном, завязал телефон в своем растительном теле и как змея заскользил по траве к деревьям. К ногам незнакомцев упала только одежда Сергея Васильевича. Они изумленно смотрели на вьюн. Потом закричали:

– Ловите его!

Как бы не так.

Вьюн быстро дополз до пальмы, поднялся на нее метра на два, перепрыгнул на сосну-пинию и лианоподобно пополз вверх по стволу.

А Родолена очнулась, связанная, в какой-то квартире. Это не было жилье Николо. Рядом сидел Альфредо и ядовито улыбался.

Главное, она не чувствовала ни рук, ни ног. Хотя голова работала ясно.

Мужчина довольно потер ладони.

– Можете не беспокоиться. Вы под наркозом. Когда-то давно Джованни говорил, на что вы способны. Но я не повторю его ошибки. Я дожусь, пока вы не превратитесь в зерно. Мужа вашего уже должны схватить. Этот старый дурак Николо стал сентиментален. Он вырастил потенциальные деньги и не может ими воспользоваться.

Родолена засмеялась.

– Альфредо, отпустите меня. Вы даже не представляете, какую силу пытаетесь обуздать. Удвоенная растительная сила и сила любви.

У мужчины зазвонил телефон. С улыбкой он взял трубку, но через несколько секунд его лицо исказилось.

– Болваны! Кретины! Схватить его!

– Что, не удалось схватить Сережу? Отпустите меня, Альфредо. Я все забуду. Неужели вы не понимаете, что нельзя сделать счастливым никого помимо воли. Нельзя делать то, что хотел Николо, но одумался и теперь хотите сделать вы.

– Замолчите. Буду вас держать, пока не превратитесь в зерно. Финита ля комедия.

Лицо Родолены стало злым.

– В последний раз предупреждаю.

– Заткнитесь!

А Каштанову на сосне дико захотелось стать папоротником. Кстати, именно сегодня ночью они с Родоленой должны были превратиться в зерно.

Преследователи сидели вокруг сосны, глядяваясь в крону. Вьюн-Каштанов изогнулся и перелетел на соседнюю сосну. Быстро сполз со ствола, превратился в папоротник и заскользил вокруг деревьев.

Было очень интересно наблюдать за незнакомцами.

Они бегали по парку, пытаясь схватить колечко молодого папоротника, но все было тщетно.

Смеркалось. Потом наступила ночь.

Это случилось одновременно. В парке Вилла Торлония маленький росток папоротника покинул землю, вспыхнув, сторел в металлически-зеленом огне и превратился в четырехгранное зернышко-пирамидку.

И в квартире связанная женщина вытекла из одежды и веревок, затянувших ее руки и ноги, и сторела в таком же зеленом пламени. А потом превратилась в такую же пирамидку, стукнулась о стену и со свистом прошла изумленного Альфредо на несколько сантиметров ниже пупка. Он с раскрытым ртом упал на колени. Пирамидка вновь от ricoшетила от стены и набрала какую-то сумасшедшую силу и скорость. Она пробила стекло окна и улетела.

Две маленькие четырехгранные зеленые пули с огромной скоростью летели навстречу друг другу. Они стукнулись одна о другую, превратились в восьмигранное изумрудное зерно, которое упало в фонтан на площади Навона. Из зерна в воде возникла крохотная фигурка обнаженных мужчины и женщины, сжимающих друг друга в объятиях. Фигурка росла, росла...

Хорошо, что была ночь. Усталые Родолена и Сергей вылезли из фонтана. Они сели на лавку. У них были зеленые волосы и зеленоватые тела. Мужчина и женщина стали дико, неумно хохотать. Наконец Родолена сказала:

– Придется превращаться в растения и возвращаться в отель. Хорошо, что мы сдали на вахту деньги и документы. Только, ради Бога, не превращайся в папоротник.

– Не буду. Я в него уже превращался.

– Слава богу. Тогда, во вьюн. В Риме старых стен достаточно.

– Мне в парке пришлось выронить одежду и телефон.

– Ничего. Потом найдем.

Очень внимательные случайные ночные прохожие могли видеть два вьюна, которые быстро переползали с одной стены на другую. Огни вывесок, луна и звезды, яркие, как тропические бабочки, освещали дорогу. Ночь была удивительно теплой.

Глава 6. ДОЛЛИ

После наслаждения от ночного Рима Каштановы потихоньку приползли на свою улицу Буонарроти, через двор проникли на второй этаж в свой номер. К счастью, форточка была не закрыта. Каштановы втекли через нее. После приключений проснулся аппетит. Они сделали бутерброды с моцареллой, разлили по стаканам вино и долго обсуждали выпавшие на их долю приключения. Каштанов спросил:

– А отпечатки твоих пальцев остались в квартире?

– Не думаю. Я была на какой-то кровати, связанная. Хотя платье осталось там. Я пыталась двигаться, но с трудом – наркоз действовал. Альфредо, скорее всего, тяжело ранен. Когда я превратилась в зерно и меня стало кидать, он оказался на моей траектории. В этом случае, как выяснилось, я не могу себя контролировать. Честно говоря, с таким удовольствием летела через тело этого подлеца...

Рано утром они вновь посетили парк. Благо у Родолены и Каштанова были за-

пасные платье, рубаха и джинсы. Волосы не стали перекрашивать. Родолена одела шелковый зеленый платок, а Сергей – зеленую бандану. Брюки и рубашка Каштанова, сброшенные вчера, были недалеко от скамейки. Минут пять тщательных поисков, и в траве обнаружился телефон Сергея Васильевича. Он посмотрел на поступившие звонки. Их было семь. Все звонки вчерашние: шесть – от Долли, один – от Николо.

Минут через пять сотовый зазвонил. Это была взволнованная Долли. Она узнала где они, и хотела подойти.

– Интересно, Долли в курсе проделок Альфредо? – спросил Каштанов.

– Вряд ли. Хотя я уже ничему не удивляюсь.

Родолена закрыла глаза и положила голову на плечо Каштанову.

Долли нашла их минут через сорок. На ее вопрос, почему она не могла вчера до них дозвониться, Родолена ответила:

– Спасались от вашего друга Альфредо.

И Родолена подробно рассказала Долли о римских приключениях. Долли внимательно выслушала. Она стала очень грустной и бледной.

– Мне очень жаль, что все так получилось. Я ничего не знала. Я не была в восторге от Альфредо, когда он за мной ухаживал, но он гораздо старше меня и умеет скрывать свои истинные чувства. Похоже, мне придется превратиться в зерно. Я не смогла найти настоящую любовь. Может, мои потомки будут счастливее.

Родолена разволновалась.

– Долли, превращаться или не превращаться – это каждый решает сам. Мы все рано или поздно превратимся в зерна, но мне кажется, вы торопитесь.

– Какие у вас дальнейшие планы?

– За неделю мы в основном осмотрели достопримечательности Рима. У вас замечательные парки. В Сибири нам их точно будет не хватать. С великим удовольствием побыли бы еще, но...

– У вас кончается виза?

В это время зазвонил телефон. Это был Николо. Родолена говорила с ним сухо и отрывисто. А он явно хотел узнать подробности. Разговор длился минут пятнадцать.

– Что он хочет? – спросила Долли.

– В гости зовет. Извиняется за Альфредо. Спрашивает о наших планах.

– И что вы хотите делать?

– Не знаю. Великого желания нет. Но узнать о его намерениях имеет смысл. Все равно скоро уедем. Неприятно, что наш римский вояж заканчивается вот так. Мы едва не погибли, благодаря этому Альфредо.

Родолена встала со скамейки и прошлась шагов на десять. Потом вернулась.

– Понимаете, Долли, мы с Сережей привыкли в последние годы, что жизнь может прерваться. В любой момент. Но думается, что это будет не так насильно. Мы никогда не ссоримся, поскольку, я знаю, что прав он, а он знает, что права я. Мы живем в одно дыхание.

– Тогда – поедем к Николо? – спросила Долли.

– Давайте – коротко ответила Родолена и все трое пошли на выход из парка.

Николо еще раз выслушал упреки разъяренной Родолены.

– Никто не имеет права покушаться на нашу любовь. Никто на свете! Вы отвратительно подбираете себе помощников. Мы, скорее всего, уже никогда не увидимся. И, слава Богу!

Николо сосредоточенно молчал и перелистывал пожелтевшие бумаги.

Наконец, он поднял голову и глуховато произнес:

– Я еще раз прошу прощение за своего бывшего помощника. Тут есть моя вина. В разговорах с ним я допускал больший процент честолубия, чем следовало. Я не смог ему внушить, что растение, ставшее человеком, имеет такие же права, как все люди. А вас Родолена, перед тем, как вы уедете, я попрошу выполнить еще одну мою просьбу. Наверное, последнюю.

– А если я не хочу ее выполнять?!

– Очень жаль. Тогда мы не сможем получить ответ на загадку, которую я пытался разгадать многие годы. Когда именно из семян родоленового куста впервые появилась женщина. Хотя бы ориентировочно. По моим подсчетам, это случилось в первой трети девятнадцатого века. Но я могу ошибаться. Ну что ж, нет, так нет. Вы имеете право отказаться.

Родолена смутилась. Она была ученым. Одним из крупнейших ботаников Сибири. И как-то неудобно было покидать Италию, грубо отказав Николо. Все-таки он много значил в ее жизни. Даже отчество у нее в паспорте было «Николаевна». К тому же эта загадка интересовала и Родолену.

– Вы уверены, что я смогу ее разгадать?

– У вас необычные способности и дар дипломатии. Долли, при всей моей любви к ней, ими обладает далеко не в полной мере. Кто лучше вас знает язык растений и животных? Кстати, зеленый цвет идет вашим волосам.

Николо принес на столик поднос с чаем. Долли ему помогла, положив на тарелочку печенье и конфеты. Все четверо расположились вокруг стола.

Родолена виновато посмотрела на Долли, но смогла пересилить себя. Долли улыбнулась и сказала:

– Я не обижаюсь. Я учусь.

Родолена посмотрела на Николо.

– Говорите.

– Вам известно что-либо о старом римском кладбище Тестаччо?

– Очень мало.

– Это погост, на котором уже три столетия хоронят преимущественно протестантов и эмигрантов. Много людей искусства. Необходимо найти могилу одного молодого русского дворянина-эмигранта, умершего от чахотки. Он мог бы дать ответ на наш вопрос, потому что ему довелось увидеть и пережить именно возникновение женщины из родоленового зерна. И это случилось почти на семьдесят лет раньше Аньеллы Дор.

– Откуда вы это знаете?

– Мне попало в руки любопытное старое письмо. Пишет этот эмигрант, правда, на французском. Здоровье стало его совсем подводить, и однажды он забрел на кладбище. Начался дождь. Он попытался спрятаться под кипарис. И увидел, как из зеленого зерна возникает женщина.

Дальше у них было знакомство, похожее на ваше с супругом, Родолена. Молодой дворянин снял сюртук, попытался спасти ее от дождя. Ее спас, а вот сам... Короче, вскоре, через какое-то время, он простудился и, проболев несколько месяцев, умер. Хотя тут есть тоже своя загадка.

– А вы убеждены, что этот эмигрант похоронен на Тестаччо.

– То что похоронен – убежден. Информация в прессе проходила. Я не убежден –

сохранилась ли плита. Когда он умер, женщина сгорела у него на могиле в зеленом огне и не возродилась. Видимо, большая любовь. А может, у нее это был предпоследний цикл. Куст, если он рос, естественно, вскоре усох.

– А откуда известно про сгорание.

– Хорошая знакомая дворянина, графиня, писала об этом своей подруге. Это письмо тоже у меня. Но в нем не хватает окончания. Русских эмигрантов в Италии было много. Или просто россиян, любивших Рим. Но откуда мог на Тестаччо взяться родоленовый куст? Тогда, выходит, зарождение родоленовых кустов появилось не на Мадагаскаре, как я думал. И не на Канарских островах под драконовыми деревьями. А здесь, в Италии. Короче, очень много загадок.

Родолена прошла по комнате Николо.

– А родоленовый куст однодомный или двудомный?

Николо усмехнулся.

– Я же знал, что вы настоящий ученый. А как вы думаете?

– Думаю, что однодомный.

– Правильно. Кстати, он самоопыляется. Только мужские цветки неплодовиты. То есть на опыление сил хватает, а на создание мужских особей – нет. Вы, Сергей Васильевич, своей самоотверженностью и любовью к жене двинули науку вперед.

Каштанов слушал и молчал, но потом с улыбкой заметил:

– Боюсь на мне это движение и закончится.

Николо развел руками:

– Как знать. Только дальше – область догадок и предположений. Думаю, что во время цветения на куст попали клетки человека. Точнее, яйцеклетки женщины.

Долли поперхнулась.

– А как они смогли на него попасть?

Николо улыбнулся и невозмутимым баском ответил:

– Скорее всего, во время менструации. А вот где, у кого, когда и как это произошло – опять загадка. Полный простор для фантазии.

Выйдя от Николо, Долли и Каштановы минут сорок погуляли и присели в кафе с видом на Колизей. Они изрядно проголодались, а просить Николо поставить на стол что-то посущественнее печенья и конфет не осмелились. Сейчас Сергей Васильевич с удовольствием заказал три пиццы с морепродуктами и бутылку красного сухого.

Родолена медленно цедила вино, глядя сквозь бокал на солнце. Потом произнесла.

– Знаешь, я все равно счастлива. Что бы завтра на Тестаччо ни случилось.

– А что может случиться? – спросила Долли.

– Понятия не имею. Полагаю – что-то удивительное и необыкновенное. А вы, Долли, все еще хотите стать зерном и превратиться в куст? Кстати, у вас руки не мерзнут?

– Руки не мерзнут. В куст превращаться уже не хочу. Родолена, вы не могли бы меня научить превращаться в растения? Обычные бытовые превращения.

– А вы не умеете?

– Только в зерно по циклу развития. А в травы – почему-то нет.

Они доели пиццы, расплатились и пошли в ближайший парк, напротив Колизея. К счастью, народу там не было. Родолена прошла мимо сосен-пиний и сказала:

– Вот, смотрите – звездчатка у сосны. Ее еще называют стеллария. Симпатичное травянистое растение. Смотрите.

И она перетекла в землю, только ее платье Каштанов бережно подхватил. Звездчатка-Родолена помахала цветочной головкой. Потом опять превратилась в человека. Труднее всего для Долли оказалось понять, как одновременно расслабиться и сосредоточиться. Но она оказалась способной ученицей.

Суетились туристы. С лотков продавали сувениры. Вечер был удивительно теплый.

Глава 7. ТЕСТАЧЧО

Вечером Родолена долго работала с ноутбуком в Интернете. А утром, после завтрака, собиралась особенно тщательно. Положила в сумку целлофановый пакет. Нежно-голубая блузка Родолены с рукавами до локтей и длинная темная юбка чем-то неуловимо напоминали девятнадцатый век. Шелковый платок полностью скрывал зеленые волосы. Из коробки вытащила короткие белые легкие перчатки, быстрым движением нанесла на них из флакончика едва уловимый аромат валерианы и надела.

Каштанов выглянул в окно и хмыкнул:

– Вообще-то начало июля.

– Я в Риме иногда замечала женщин в белых перчатках. Они попадались и в прошлый, и в нынешний приезды. Такие женщины носят перчатки изящно и небрежно. Может, эти особы графского или княжеского рода? Тогда я буду графиня Каштанова. Кстати, одно время я млела от стиля Жаклин Кеннеди. Сколько пар перчаток было у ней?

– Но у тебя совсем другой стиль. И потом, как я помню по фотографиям, собственные руки, точнее кисти рук, Жаклин не очень нравились. Она умело скрывала их недостатки. И не забывай – Жаклин грызла ногти. Ты похожа, скорей, на Грейс Келли.

Родолена улыбнулась.

– А у тебя в бандане пиратский вид. А у меня красивые руки. Красивей, чем у Жаклин и у Келли. Кстати, Келли тоже любила перчатки. И ногтей я не грызу. А боюсь и холод, и жару. Но сегодня очень хочется выглядеть красивой. А если серьезно – на Тестацчо много кошек. И общаться придется с одной из них. А кошки – царственные животные. Это не мышка Элеонора с Ваганьково. Ты представь – с какими тенями им приходится общаться. Царской крови. Нужно произвести впечатление. Надо купить в магазине для кошки сыру. Работать придется втемную. Похоронен этот дворянин или нет на Тестацчо – неизвестно. Где рос родолоновый куст – тоже.

Сергей Васильевич взял жену за руки и вдохнул аромат валерианы.

– Ох, и нанюхаюсь.

– Милый, это для кошки. Чтоб с ней общий язык найти.

Родолена дернула его двумя пальчиками за нос, и они вышли на улицу Буонарроти, свернули налево, потом – опять налево. Перешли через дорогу и направились к Колизею. Обогнули его и минут за тридцать прогулочным шагом прошлись до метро Пирамида. А от метро было рукой подать до кладбища. Они вошли в ворота. Родолена прикидывала.

– Вот пирамида Гая Цестия. Вот могила поэта Джона Китса, умершего от чахот-

ки. Это древняя часть кладбища. Кипарисов тут нет. Кошек что-то тоже не видно. Перейдем на более позднюю часть. Ага, вот могила Карла Брюллова!

Каштановы любовались надгробиями, кипарисами, цветами. Прошли мимо могилы дочери князя Вяземского. Наконец, Сергей Васильевич шепнул Родолена Николаевне:

– Вон какая-то кошка лежит.

Самое интересное, что кошка была не пуглива. Каштановы подошли к ней вплотную, а она как лежала, так и оставалась лежать на могильной белой мраморной плите возле белой часовни с изящными колоннами.

Довольно крупное, тоже белое животное, с черным большим пятном на морде в виде маски. Родолена присела рядом и произнесла несколько тихих отрывочных, мурлыкающих звуков. Кошка внимательно посмотрела на Каштановых и лениво промурлыкала что-то в ответ. Родолена продолжила разговор, потом достала моцареллу и попросила Сергея открыть целлофан. Кошка лапой медленно придвинула к себе сыр и аккуратно стала есть. Вообще, вела себя с большим достоинством.

Потом она повела их между могил. Несколько раз мякнула возле большого кипариса, позволила Родолена почесать себя за ухом и под подбородком и скрылась.

Родолена была в восторге.

– Имя кошки – Татьяна. Она вспомнила рассказ своей пра-пра-прабабушки. Его передавали в их семье. Действительно, был такой случай, когда женщина сгорела в зеленом огне сразу после похорон, на могиле какого-то русского. Но ее мама показала ей только этот кипарис. Дерево сохранилось с тех лет. Могила была рядом. Плита со временем исчезла. Попробуем наше старое, испытанное средство разгадки тайн.

И Родолена положила руки на ствол кипариса и погрузилась в его память. Окружающая картина сменилась. Она блуждала по эпохам. Пейзаж был преимущественно вечерним. Менялись времена года, количество могил, погода, люди, одежда. Женщина пыталась найти картинку, о которой говорила Татьяна. Потом подошла к другому кипарису. Прodelала то же самое. Потом – к сосне-пинии. Родолена отматывала время то вперед, то назад. Прошло часа два, когда Каштановы увидели, наконец, то, что так долго искали.

Сентябрьская погода. Чьи-то похороны с малым количеством людей. Люди потихоньку отходят от могилы, и тут к ней приближается и сгорает молодая женщина...

– Смотри, Сережа!

Каштанов увидел очень пожилого человека. Старик подошел к могиле, невозможно поднял зерно и скрылся. Родолена гладила кору сосны, но ничего нового увидеть не получалось. Женщина не могла что-то сделать внутри памяти старых деревьев замечательно красивого исторического кладбища Тестаччо. Скажем, у нее не было сил войти в ту эпоху и взять зерно с могилы после сгорания неизвестной женщины, родной ей по растительной крови.

Родолена отняла руки от дерева и смахнула капельку пота. Картинка сменилась на современную.

– Все, Сереженька, не могу больше. То, что смогла узнать – узнала. Запомни дату – 23 июня 1824 года. И 25 сентября вечером того же года. Первая дата – когда незнакомка превратилась на этом кладбище из зерна в женщину. Вторая – когда сгорела.

Они сели на лавку. Выглядела Родолена очень усталой. Каштанов достал из пакета бутылку минеральной воды, две булочки и две моцареллы в целлофане. Разорвал целлофан. Они молча поели. Родолена спросила:

– Никаких мыслей?

– О чем?

– О том, как в ту эпоху попасть.

– Человеку это не под силу. У нас ведь нет машины времени. Единственная умная мысль на эту тему у меня есть.

– Какая?

– Мы рано расстались с Татьяной.

Родолена думала секунды три. Потом тыльной стороной руки погладила его по лицу и расцеловала.

– За что я тебя люблю – ты у меня очень умный.

Каштанов почесал мочку уха.

– Только за это?

– Не только. Пошли искать Татьяну.

Минут через десять они нашли кошку. Татьяна лежала на роскошном надгробии. Сергею показалось, что кошка улыбается. И еще. Когда она с Родоленой заговорила, он вдруг начал понимать кошачий язык. Кошка была весьма деловая. Родолена спросила:

– Люди живут в трехмерном пространстве. И не могут пройти сквозь время. А могут ли это делать кошки?

– Могут.

– Вы не могли бы помочь нам?

– Как вы себе это представляете?

– Мы превратимся в растения, и вы нас пронесете.

– Кошки не имеют права что-то с собой пронести в другие эпохи.

Глава 8. АДА РАНЬЕ

Родолена просяще посмотрела на Татьяну.

– Даже две крохотные травинки? Их не будет видно. Мало ли, случайно прицепились на кладбище.

Кошка долго думала, потом лениво сказала:

– Три круга моцареллы. Хочу своих угостить.

Родолена подмигнула Каштанову, и, договорившись с кошкой, супруги пошли искать магазин.

По возвращении сумку оставили на время в здании при кладбище. Кошка Татьяна просила отдать сыр, когда все будет сделано.

Труднее всего было объяснить Татьяне, что нужно попасть именно в поздний вечер 25 сентября 1824 года. В разные времена кошка проходила, образно говоря, через портал, но ей было абсолютно по барабану – в какое именно время она проходит. Проходила Татьяна редко, по своим кошачьим делам.

Родолена подошла к сосне, положила на нее ладони и показала кошке то время, в которое надо попасть. Кажется, Татьяна поняла.

Каштановы быстро разделись, Родолена сунула одежду в пакет, и они обернулись крохотными травинками. Зацепились Татьяна за шерсть, и кошка прошла под надгробием.

Целлофановый пакет кошка пронесла в зубах. Каштановы оказались на том же

месте, только людей и подавляющего количества могил не было. Быстро оделись. Стоял ранний вечер, по сентябрьски светлый.

Показалась молодая женщина. Она была одета в простое длинное темно-зеленое платье и зеленый чепчик. Женщина не казалась убитой горем. Даже задумчивая улыбка украшала лицо. Но цвет этого лица был серым, как у Родолены перед последним сгоранием. Родолена подошла к ней.

– Извините, пожалуйста. Как вас зовут?

– Ада Ранье. А вы... вы... тоже из женщин-растений?

– Да. Вы узнали?

– По внешности вы – мое зеркальное отражение.

– Я – ваша пра-пра-правнучка. Из другого времени. Расскажите, пожалуйста, что вы помните о себе?

– Немного. Родилась взрослым человеком. Однажды сгорела на этом кладбище. Возродилась в дождь. Алеша, который оказался рядом, накинул на меня свой сюртук. Мы пошли к нему домой и стали жить вместе. Через несколько дней в дверь постучали. Чудаковатый старик представился Джузеппе и назвался моим крестным. Он сказал, что я однажды родилась на его глазах. Только почему-то находилась без памяти. Джузеппе купил мне одежду. Он рассказал, я родилась из изумрудного зерна, и назвал мое имя. И грустно добавил: «Как мало тебе жить, девочка моя!» И ушел. Алеша сильно кашлял. И сказал, что скоро умрет, но ни о чем не жалеет, так как встретил меня. Позавчера он умер. Я рада, что мы с ним в другой жизни увидимся. На Тестаччо эмигрантов запрещают хоронить днем. Поэтому похороны вечером. А я знаю, что сегодня сгорю. У меня оказалась маленькая жизнь.

Родолена с большой любовью и грустью смотрела на Аду. Не вопросительно, а утвердительно заговорила:

– Вы умеете превращаться в другие растения?

– Да. Только делала я это всего три раза.

– Вы умеете сгорать и возрождаться?

– Да.

– Вы умеете контролировать время между сгораниями?

– Да, научилась. Мне остался где-то час жизни.

– У вас мерзнут руки.

– С утра просто кошмарно. В любую жару. Причем от сильной жары мучаюсь не меньше. К счастью, сейчас осень. Вот, кажется, везут Алешу. Очень рада была с вами познакомиться. Жаль, что так поздно. Родных людей всегда мало.

Женщины взяли за руки. Они сжали руки так крепко, словно не хотели расстаться. Смола с белых перчаток Родолены прилипла к зеленым перчаткам Ады.

Потом Сергей Васильевич и Родолена Николаевна отошли в сторону, где, как ни в чем не бывало, лежала кошка Татьяна, и начался печальный обряд похорон. Людей было немного. Кроме Ады, всего пять человек. Потом трое ушли, еще одна женщина тоже отошла на приличное расстояние. А затем... Ада сгорела на холмике.

После этого к могиле подошел пожилой человек. Он поднял зеленое зернышко и быстро направился к выходу. Родолена быстро что-то сказала Татьяне на кошачьем, а потом произнесла:

– Сережа, пойдем за ним!

Они догнали незнакомца.

– Джузеппе, стойте! – крикнула Родолена.

Он испуганно и резко обернулся. Его голос был тороплив, скрипуч и глуховат.

– У вас такой же голос. И лицо. Только одежда другая.

– Понимаете, я тоже растение. Женщина-растение. Только из другого века. Может быть – родственница Ады. Пожалуйста, ответьте, когда и где вы нашли куст или зерно, из которого Ада родилась?

Джузеппе был очень стар. У него были поразительные по чистоте голубые глаза, в которых была сумасшедшинка гения. Эти глаза при виде Родолены стали настолько счастливыми, что женщина поняла – они пришли в это время не зря.

– Адочка для меня – все. Тогда в мае, с кладбищенского куста я принес домой зерно. Родилась Ада. Но она почему-то была без памяти. И я отнес зерно обратно на кладбище. И стал ждать. У Адочки были короткие промежутки между сгораниями. А тут – дождь. На Тестаччо был этот молодой русский. У Ады осталось еще одно сгорание. Но придется посадить зерно для куста. Она такая умница. А какая талантливая! Но куст...

Джузеппе закашлялся.

– Куст был еще очень маленький и молодой. Он дал только одно зерно. А это значит – у нее очень короткая жизнь. Всего три-четыре месяца. Я занимаюсь этими зёрнами пять лет. Их было десять. Десять девочек. Каждая прожила один, два, три месяца. Похоже, надо сменить климат. Адочка прожила дольше всех. Но, если сейчас зерно не посадить, уникальное растение прервется навсегда.

– Мадагаскар? – спросила Родолена.

– Мадагаскар... – задумчиво повторил Джузеппе. А что? Это идея. Спасибо!

– Когда и где вы нашли куст?

– Пять лет назад. В Ницце.

– Зерно упало, и полил дождь?

– Да. Из зерна появилась девушка. Тоже Ада. Так звали мою покойную жену. Я их всех называл этим именем. Главное, чтоб никто не узнал. В мире столько недобрых людей! А вы? Сколько лет живете вы?

Когда Родолена немного рассказала о себе и познакомила Джузеппе с Сергеем, старик просиял:

– Господи, теперь и умереть не жаль! Как вас зовут?

– Родолена.

– Ваше имя я буду повторять всю оставшуюся жизнь. Я буду молиться за вас! Спасибо, что вы пришли. А вы, молодой человек, берегите ее! У вас подлинное сокровище, и это сокровище – ваша жена.

Темнело. Каштановы попрощались со стариком. Он вздохнул.

– Поеду на Мадагаскар. Главное – чтобы не прервалась связь времен...

Родолена и Сергей пошли к Татьяне, разделись, превратились в травинки, и кошка унесла их обратно. Потом Каштановы вновь стали людьми, попрощались с Татьяной, поблагодарили ее и отдали кошке сыр. Родолена обессилено произнесла:

– Одеваемся-раздеваемся. Устала. Пойдем, Сереженька, из этого милого места.

Потом они сидели в том же парке напротив Колизея. Стало совсем темно. Загорелись электрические фонари. Вокруг были величавые и такие близкие сосны-пинии. Родолена медленно сняла перчатки. На ладонной части обеих была смола. Она бросила их в урну, потом тщательно промыла руки в фонтанчике. Села на лавку, потянулась и привычно положила голову Каштанову на плечо.

– Они свою роль выполнили. К тому же смола с трудом отстирывается.

– Тем более что ты как пить дать с собой прихватила еще с десяток пар.

– Что ты. Только четыре. Хотя белых среди них нет.

Каштанов прижался к Родолене губами и минут сорок они находились в состоянии полного блаженства.

Поздно ночью Каштановы ушли на улицу Буонарроти.

На следующий день до отъезда в Ниццу оставалось еще часов восемь.

Встречу Николо Родолена предложила провести в кафе «Греко», где сживал Гоголь. А пока в ожидании старого ученого Родолена и Сергей ели жареные каштаны, медленно-медленно бродили по площади Испании и впитывали все краски вечного города.

В кафе Николо выслушал поразительный рассказ Родолены.

– Ну и кто, по-вашему, Родолена, мог еще так блистательно выполнить мою просьбу, кроме вас? Кто мог так понять психологию кошек и попасть в другое время? Вам цены нет! Узнать бы оккультную связь родоленовых кустов, Ниццы и Аньеллы Дор.

– Вы думаете, она существует?

– А как же? В мире и во вселенной действуют свои причинно-следственные связи. Люди приходят в какие-то места, порой, не зная того, что с этими местами связано. А Джузеппе пытался, хоть и примитивно, провести селекцию. Ему удалось вывести куст, дающий женщин с замечательными чертами. Кроме одной. Короткий срок жизни. Джузеппе как мог старался продлить им жизнь. Судя по всему, после этих событий Джузеппе уехал на Мадагаскар.

Николо вытащил маленькую коробочку и открыл ее.

– Надеюсь, Сергей Васильевич не будет ревновать. Эта камья принадлежала моей жене. Она умерла тридцать пять лет назад. Женский профиль на камее удивительно похож на ваш, Родолена. Примите ее в знак благодарности и с извинениями за все.

Камья была действительно хороша. Старинной работы, на голубоватом агате. Белый, словно мраморный женский профиль. Родолена колебалась. Но Николо настаивал.

– Пожалуйста, возьмите. Детей у меня нет, а Долли до вас еще очень далеко.

На шее Родолены камья смотрелась дивно.

На этот раз они тепло попрощались.

У фонтана «Лодочка» Родолена положила Каштанову руки на плечи и взволнованно произнесла:

– Жалко Аду, сил нет. Оказывается, за тридцать-сорок минут разговора можно полюбить человека и привязаться к нему. Проговорили совсем мало времени, а я будто очень родное существо потеряла. Такая умница. Все видела, все понимала. А сделать ничего не могла. Знаешь, Сережа, давай, когда придет наш срок, приедем еще раз в Рим и сгорим по окончании последнего цикла на Тестаччо. Там так красиво! И много ли места надо для зерна? Детей у нас нет, статьи нужны узкому кругу ученых. Ты уйдешь на пенсию – другой человек отдел возглавит. После меня – несколько человек спят и видят, как бы место мое занять. Лет через сто о нас помнить-то никто не будет. А все эти надгробные плиты...

Каштанов подумал-подумал и согласился.

Глава 9. НИЦЦА

Утром из двухзвездного отеля Ниццы вышли Сергей Васильевич и Родолена Николаевна. Женщина была в глухом зеленом платье выше колен, без рукавов и бледно-зеленом шелковом платке. Мужчина в брюках, белой рубашке и бандане. У выхода Родолена попросила мужа поддержать сумочку, постояла у растений, что-то шепотом говоря. Потом Каштановы вышли и направились к Замковому холму. Сергей спросил:

– А что мы туда так рано идем? День сегодня будет очень жаркий. Призрак Аньеллы появится поздно вечером.

– Сережа, я хочу проверить одну свою догадку.

Каштанов не стал спрашивать – какую. Жена была сосредоточена и что-то обдумывала. Они поднялись на холм с открыточными видами и прошли мимо цветущих растений к усыхающей сосне. Нашли солнечное место, где не было людей, и Родолена сняла платок.

– Блаженство! Сережа,ними бандану. Ты тоже растение. Давай немного поучаствуем в процессе фотосинтеза.

Каштанов снял бандану. Зеленые волосы супругов сияли на солнце. Благо, никого рядом не было. Родолена сказала:

– Мы растения. И, следовательно, фотосинтез – наш органический процесс. Мы постоянно красим волосы, боясь нарушить устоявшиеся условности. А не через волосы ли поглощаем углерод и выделяем кислород? Когда приедем домой, проанализируй, пожалуйста, мой и твой волоски. Может, в них есть хлоропласты. А может – если не краситься – то и жить дольше будем? Как ты думаешь?

– Не знаю.

– Меня все время тянет одеться в зеленое. Но в одежде хлоропластов нет. Растения в большинстве своем не выносят сильный холод и сильную жару. Кроме исключений.

– Но Долли одевается обычно.

– Но и способностей у нее, таких как у меня или у Ады, нет.

Стало припекать не на шутку. Родолена быстро надела шелковый платок, Сергей – бандану и они пошли к деревьям. Народу было очень мало. Сели под надежной тенью и блаженно откинулись на лавке. Потом Родолена посмотрела на свои руки, на которых появилось по внушительному красному и зеленому пятну, и достала из сумочки длинные, выше локтя, кружевные зеленые перчатки. Пахло ароматом душистой герани. Надевая их, Родолена с иронической улыбкой сказала:

– От жары растения сохнут. От холода – мерзнут. Проблема женщин-растений. И мужчин тоже. Я не могу даже позагорать, как другие.

– Зато с какой другой женщиной я так часто, несколько раз на дню вдыхал бы свой любимый аромат?

Родолена села к нему на колени, сняла с себя платок, с него бандану и привычно, ласково положила руки ему на лицо.

– Только в Европе я могу себя чувствовать совершенно свободно. Люди бальзаковского возраста могут вести себя как дети.

Они наслаждались долго, несколько часов. Им любовь никогда не надоедала. Потом попили воды из бутылки.

– Не устал? – весело спросила Родолена.

– Я с тобой никогда не устаю.

– Прохожие, наверно, думают – ненормальные какие-то. Вместо того, чтобы заниматься этим делом в отеле, они развратничают на природе.

– Прохожих мало. А потом любовь – это не разврат.

– Посмотрим.

И они начали целоваться снова. Каштанов восторженно сказал:

– Ты чудо. За четыре часа четыре половых акта. Я от себя такого в пятьдесят два года и не ожидал.

– Передохнем. Скоро появится призрак Аньеллы Дор.

Но Каштановым пришлось ждать еще часа два в темноте, пока призрак Аньеллы не появился. Она радостно обняла их, и Каштанов почувствовал на лице мокрый след. Поцелуй Аньеллы Дор. Она зашептала:

– Как вы живете? Как вообще вы остались живы?

Родолена рассказала все. Аньелла радостно воскликнула:

– Это великое чудо! Серж, я вами горжусь. Сейчас мы сходим неподалеку на старое кладбище Ниццы.

– Зачем? – спросила Родолена.

– Я прочитала ваши мысли и ваш вопрос. Еще неделю назад я не смогла бы на него ответить. Но сейчас... Короче, на этом кладбище есть кое-кто. Я познакомлю. Пойдем.

Они пошли на кладбище. Путь освещали звезды, фонари и Аньелла. Ее призрак странно мерцал в темноте. Надгробия, кресты, памятники не пугали.

– Мадлен, вы где? – спросила Аньелла.

Появился призрак женщины средних лет в простом длинном платье восемнадцатого века и петлей на шее.

– Расскажите Мадлен свою историю. Это мои друзья.

Они вчетвером присели на надгробия, и Мадлен стала рассказывать. Голос ее был хрипловатый и жесткий.

– История моя простая и достаточно грустная. Я доживаю на земле в виде призрака за собственное самоубийство и за убийство, которое совершила. И ни в чем не раскаиваюсь, поэтому, наверное, столь долгий посмертный срок. Хотя и не знаю, почему моя жизнь была такой трудной. Большая часть срока прошла в Париже, где, собственно говоря, убийство и произошло. А часть срока за самоубийство меня послали отбывать в Ниццу. Во время Великой французской революции я своими руками накинула петлю на шею торговцу, который во время голода таил хлеб. Хотя восставшего народа было много. Просто так получилось. Меня арестовали незадолго до падения Робеспьера. Не за убийство торговца. Просто я была фанатичной поклонницей левых – Эбера и Жака Ру. Тогда приговаривали к гильотине. Когда меня везли в крепость, я попросила остановить телегу на поляне, чтобы испражниться. Присела над каким то маленьким цветущим кустом, полила его, а потом случилась менструация. В крепости, перед гильотиной, должна была пройти еще ночь. Но если моим вишневым глазам суждено было погаснуть, то... Короче... я не хотела на тот свет появляться с собственной головой под мышкой. Полагаю, что имею на это право. Оторвала тесемки от передника, связала их, сделала петлю и удавилась. Вот и все. В обоих случаях была петля.

– А когда вы погибли? – спросила Родолена.

– Была весна 1794 года. Мне Аньелла рассказывала всякие чудеса о вас. У меня в голове не укладывается. Женщина и растение были всегда для меня очень...

- Очень разными? – вопросительно улыбнулась Родолена.
- Да.
- Ваша менструация дала жизнь новому виду растений. Вы внесли вклад в науку. Дали жизнь Аньелле, мне и другим.
- Чудеса. Значит, моя ничтожная жизнь на что-то пригодилась?
- У Мадлен появились призрачные слезы на глазах, и Аньелла погладила ее по голове. Два призрака и двое живых с огромным удовольствием пообщались. У Мадлен кончался срок пребывания на Земле, чему она была весьма рада.
- Расстались они под утро очень по-доброму. Оставшееся время Каштановы гуляли по Ницце, перебирали на набережной морские камешки.
- У меня никогда не было такого насыщенного отпуска – сказал Каштанов.
- Мы сделали то, что необходимо было сделать, – ответила Родолена.

Глава 10. ВРЕДИТЕЛЬ РОДОЛЕНОВЫХ КУСТОВ

Воспоминаний об отпуске хватило почти на год. Через восемь месяцев Родолена прислал тревожное письмо Николо. Куда-то пропала Долли Наро.

Они с мужем долго обсуждали это событие и послали успокаивающий ответ старику. Хотя спокойствия не было.

Однажды в самом конце мая Родолена Николаевна выходила с работы на остановку. Она пересекла проспект и села на лавку. И рядом с ней разместился странный человек лет пятидесяти, полный, высокий, в мешковатом длинном сером драповом пальто. Хотя май был теплым. У незнакомца было какое-то буроватое лицо, пронзительные зеленые глаза и густые, длинные, седоватые усы. Руки он держал в карманах. Родолене стало сразу весьма неуютно и почему-то страшно.

– Родолена Николаевна?

– Да. Кто вы и что вам угодно?

– Кто я? Позвольте представиться, Фагоцитус Родолени. Я – вредитель родоленовых кустов, тот, собственно, кто ими питается. И пришел вас предупредить, что скоро съем вас и вашего мужа.

– Вы пьяны?

– Вот именно такой глупый вопрос мне задала Долли Наро. Перед тем, как я ее...

– Что вы с ней сделали?

– Съел, разумеется. Да, кстати, кроме соков я не пью ничего. Просто вас, точнее, ваш куст произвели на свет люди, и меня соответственно тоже. Кто – не скажу. Да, это и не важно. Похоже, вы мне не верите. Ну, смотрите.

Незнакомец вынул руку из кармана, и в рукаве Родолена увидела зеленую когтистую лапу.

– Уверяю вас, другая рука такая же. Да, вот еще, полюбопытствуйте.

Он расстегнул на животе пальто, и Родолена увидела еще две лапы. Фагоцитус застегнулся. Родолена спросила:

– А как погибла Долли?

Фагоцитус Родолени довольно усмехнулся в усы и сказал:

– Она, глупенькая, превратилась в ромашку. А я, когда меня создали, экзамен сдавал как раз по съедению ромашки. Память у меня хорошая. Кстати, я могу превращаться в сотни жуков. А для Долли хватило тридцати.

Фагоцитус презрительно посмотрел на побледневшую Родолону и снисходительно процедил:

– Да вы не бойтесь. Что я, бандит какой. И у меня душа есть. Надеюсь, недели вам хватит, чтоб свои дела в порядок привести. Детей у вас нет, циклов осталось не так, чтоб очень много. Я бы не тронул вашего мужа, но он стал растением. Родоленовым растением. Кстати, если хотите – можете со своим мужем довести себя до зерна. Родоленовые зерна я очень люблю, даже больше, чем листья. У вас ведь скоро окончание цикла. Я полгода езжу по разным местам, где могут быть родоле новые кусты.

– И во многих местах побывали? – пытаюсь справиться с охватившим ее ужасом, спросила женщина.

– В пяти. Еще надо в двух местах побывать и дело будет сделано. Одно из этих мест – Россия, Сибирь. Где я сейчас и нахожусь. Просто женщины-растения – это ненормально. Такого не должно быть. И нашелся человек, который смог исправить эту ошибку природы. Он вывел меня. И вогнал в мою голову очень много свойств. Так что договариваемся – через неделю я появлюсь. Место встречи – эта же остановка. Мы приедем к вам домой, и все будет сделано. Да, убежать от меня не советую. Я могу чувствовать родоленового человека километров за сто. Вы, конечно, можете превращаться во всякие растения, но ведь и я тоже не промах. По растениям – я всеяден. До встречи!

И странный господин ушел.

Ни жива, ни мертва добралась Родолена Николаевна домой. Она все рассказала мужу.

– Бред какой-то, – сказал Каштанов.

– Сережа, это не бред. Я увидела у него во рту, частично прикрытом усам, жвалы. Большие мандибулы жука. Я идиотка. Тратила столько времени на поиски своих корней, даже не предполагая, что смертельная опасность рядом. Кто же нас так может ненавидеть? Кто вывел это чудовище? Ну ладно, об этом после. Что будем делать?

– Бежать, – помолчав, ответил Каштанов.

– Куда?!

– А вот тут уже подумать надо. Этот Фагоцитус, вполне возможно, может слышать наш разговор. Если он не блефует.

И Сергей Васильевич показал жестом на лист бумаги.

Родолена все поняла, взяла ручку и написала: «Говорить будем о любой ерунде, а писать – о главном». И супруги стали говорить обо всем достаточно буднично, параллельно записывая вопросы и отвечая на них. В основном это касалось городов и мест, куда можно убежать и где приготовить Фагоцитусу ловушку. Постепенно Родолена успокоилась. Исписав три листа бумаги, они пришли к выводу, что нужно ехать на остров Ольхон, что на Байкале. Необходимо было найти такое место, которое обладало бы точкой силы. А Ольхон – как раз такое место.

Родолена подошла к окну и замерла.

С той стороны стекла, улыбаясь, им помахал правой передней лапой довольно крупный серый жук, внешне очень напоминающий Фагоцитуса. И улетел.

Сергей Васильевич в последний момент успел его увидеть. Он подошел на жесты и крик Родолены. И усмехнулся.

– Ну вот, теперь я знаю нашего врага в лицо. А с виду – такой милый жучок.

А Родолена опять подошла к столу и начала писать.

«Сережа, завтра пойдешь в поликлинику и возьмешь больничный. Я дам тебе порошок, который ты вдохнешь минут за десять перед посещением врача. Две недели тебе обеспечено. А за это время мы успеем съездить на Ольхон. Простуда пройдет через час после поликлиники».

Родолена тоже взяла больничный лист – благо она была приписана к другой поликлинике.

Еще двое суток Родолена и Сергей, не расставаясь, штудировали книги по ботанике, зоологии и магии. Родолена рылась в Интернете, пытаясь отыскать легенды о Шаманской скале и других горах Байкала. Потом женщина списалась с Николом и рассказала о последних событиях. Тот посоветовал супругам держаться вместе, пообещав выйти на связь позже.

Это Родолена и Сергей сами понимали. На вокзал покупать билеты, в магазины, везде Каштановы не расставались.

Они ломали голову – кто может так сильно ненавидеть родоленовые растения, чтоб методично их уничтожать.

Главное – ни в одной книге даже намек не было на ответ. Оно и понятно. Родоленовые растения не были прописаны ни в одном учебнике по ботанике, морфологии и систематике растений. Николо так и не решился дать о них статью, Родолена – тем более. Каким-то шестым чувством мужчина и женщина понимали, что сейчас не время привлекать общественное мнение к такому чуду природы, как родоленовые растения. Потому что пришлось бы отбиваться от роя журналистов, что-то объяснять. Но молчание привело к одиночеству перед опасностью. Потому что знали о ней только Николо, Родолена, Сергей Васильевич, сам Фагоцитус и тот, кто стоял за ним.

Родолена в отчаянии отшвырнула очередную книгу, что десятками брала в библиотеке на день-другой, и подошла к окну.

Серый жук сидел на стекле со стороны улицы.

Глава 11. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОЛЬХОНЕ

А еще через день, вечером, Каштановы с рюкзаком, сумками и спальными мешками садились на поезд, который шел до Иркутска.

Однако на станции Тайга, где обычно перецеплялись вагоны, и где супруги вышли погулять, из соседнего вагона слез человекоподобный Фагоцитус в спортивном костюме с длинными рукавами и улыбнулся. Каштановы приуныли и зашли обратно в вагон.

В Иркутск они приехали рано утром. Потом – газель, паром, автобус.

– Сережа, пожалуйста, будь всегда рядом, никуда не отставай! – шепнула Родолена.

Они вышли на Ольхоне, автобус ушел. Родолена сразу низко склонилась над травами.

– Вот здесь поставим палатку – сказала она.

Они растянули палатку. И ее окружило широкое кольцо полыни, потом – кольцо шиповника и несколько колец других растений, преимущественно весьма колючих. Женщина сказала:

– Скорее всего, Фагоцитус уже здесь, на Ольхоне. При его способностях превращаться в насекомых, он заполз или залетел в газель и, как пить дать – на паром.

Каштанов улыбнулся.

– Мы, как в повести Гоголя «Вий». С кругами. Главное, чтоб он не оказался в нашем кругу.

– Нет, здесь он отсутствует. Хотя надо еще подстраховаться.

Женщина вытянула вперед руки и поправила круги, чуть выровняв или передвинув линии растений. Потом Родолена гортанно и хрипловато издала крик и к ним подлетела внушительных размеров чайка. Они поговорили друг с другом, и чайка улетела, чтоб минут через тридцать вернуться вместе с сорокой. Сорока осталась, а чайка стала кружиться над Байкалом.

Серый жук завис над кругом и знакомый голос Фагоцитуса начал увещевать беглецов.

– Родолена Николаевна, Сергей Васильевич, ну это же глупо. Вам нужно сдатьсья.

– Этого никогда не будет, – спокойно ответила Родолена.

– Пеняйте на себя. Я предупредил. Кстати – в последний раз.

Сорока спикировала на жука, но он улетел. Минут через двадцать круги кустов облепили мелкие тли и листовертки. Они стали усиленно сосать и грызть листья. Но на подмогу Каштановым прилетели другие птицы, которые стали поедать вредителей. Все это продолжалось несколько часов. Как только кусты редели, Родолена восстанавливала защитные круги. Глухой ночью насекомые отступили. У костра женщина сказала:

– Придется, Сережа, нам с тобой превращаться в байкальские водоросли. Спорывые растения – а что делать? Я долго думала, умнее ничего придумать не смогла. На Шаманскую скалу мало надежды – даже если там есть духи, против насекомых они, скорее всего, ничего сделать не смогут. Растения спасут – для них мы с тобой – брат и сестра. Но возможности у них ограничены. Долго спасать нас круги не смогут. Чайки предпочитают питаться рыбой. А другие птицы на Ольхоне, если и есть, то договариваться с ними долго. Мы даже насладиться не успели романтикой палатки.

– Хотя бы часа два-то поспать сможем?

– Часа четыре сможем. А потом свернем палатку и пойдем к озеру.

Но свернуть не удалось. Через час Фагоцитус появился, выросший до размеров динозавра, и приблизил к ним пасть со жвалами. Родолена мимолетно взглянула ему в глаза и потеряла сознание. Каштанов мгновенно превратился в свою излюбленную лиану, подхватил Родолену и понесся к Шаманской скале. Фагоцитус, смеясь, направился вслед за ними. Женщина пришла в сознание, но выглядела очень слабой. Как бы не видя, она смотрела на мужа. Сергей крикнул ей:

– Не смотри ему в глаза!

Однако взгляд Родолены стал вполне осмысленным. Она тоже превратилась в лиану. Женщина была без чувств очень короткое время. За ними летели сотни жуков. Каштановы на мгновение превратились в людей, потом – в корни какого-то растения и ушли в землю. Фагоцитус превратился в жуков корнежилов и бросился вдогонку. У воды Каштановы вылезли наружу. Родолена шепнула Сергею:

– Превращается в росенок.

– Главное – не смотри ему в глаза, – зашептал Каштанов. – Это не Вий, но что-то дьявольское в нем есть.

– Я поняла, Сереженька!

Они превратились в хищных росянок и над ними закружился Фагоцитус, разбившийся на множество крылатых созданий. Супруги ловили, ловили рои насекомых, даже не успевая их переварить. Но эту атаку тоже удалось отразить.

Потом Родолена и Сергей тонкими лианами рванули на Шаманскую скалу и там немного перевели дух. Становилось прохладно. Родолена спустилась к воде и потрогала одну водоросль.

– Сережа, вот в нее нам нужно будет превратиться.

– А мы не застынем в воде? – спросил грустно Каштанов.

Они внимательно посмотрели на водоросль и превратились в нее. Фагоцитус решил, видимо, сделать очередную (а может, и нет) попытку. Он, в свою очередь, обернулся множеством жуков-водолюбов. Водолюбы стали окружать водоросли. Родолена зашептала.

– Водолюбы могут есть нитчатые водоросли...

А потом закричала:

– Сережа, – в лианы.

Водолюбы стали нападать на водоросли.

Каштановы мгновенно выскочили из воды. Перед тем как превратиться в лианы, Родолена крикнула чайкам:

– Помогите!

Чайки налетели на водолюбов и стали их поедать.

Оставшиеся жуки превратились в Фагоцитуса, но маленького, размером с кошку. Он терял силы.

Не зная, что делать, Родолена и Сергей опять обернулись людьми. Женщина схватила горсть песка и запустила в Фагоцитуса. Попала. Сергей сделал то же самое. Фагоцитус упал в воду.

Родолена приблизила губы к воде, что-то побулькала.

И неожиданно с десятков мелких рыбешек-голомянок и других, более крупных рыб, напали на Фагоцитуса. Они раздирали его.

Каштановы смотрели, как Фагоцитуса поглощает Байкал, и было им спокойно, как никогда.

Еще одна ночь предстояла в палатке на острове Ольхон. Холод был нешуточный. Он проснулся в супругах Каштановых с огромной силой. Сказались усталость, сильное напряжение, многократные превращения и купание в холодном Байкале. Пусть и в измененном виде.

Родолена, дрожа, надела три свитера, теплые штаны и вторые шерстяные носки. Сергея тоже пронзил холод, и он стал доставать вещи. Супруги влезли в один общий спальный мешок. Родолена хитро взглянула и тихо усмехнулась:

– Я посмотрю как ты, Сереженька, сможешь в эту ночь меня согреть.

– А какой-нибудь новый Фагоцитус нас не достанет?

– Не знаю. Я уже ничего не знаю. Никогда так не уставала. Что за наказание – мы ведь никому не делаем никакого зла.

Каштанов обнял Родолену, она положила голову ему на грудь, и они мгновенно уснули.

Глава 12. САНАТОРИЙ ОТМЕЖАЧ

В нашей истории герои проявляют себя в основном на отдыхе. Но работа у Родолены Николаевны и Сергея Васильевича была достаточно монотонной. Лекции и практические занятия на кафедре, совещания, сбор информации, планы и отчеты в управлении поглощали время супругов Каштановых. Как и у многих, это была работа для зарабатывания хлеба насущного и возможности помазать его сливочным маслом и накрыть парой кусочков копченой колбасы. Тем не менее прошел еще почти год.

Когда однажды в апрельское воскресенье Сергей Васильевич не смог разогнуть спину, а у Родолены Николаевны от хандроза не смогла повернуться шея, супруги поняли, что байкальские приключения все-таки даром не прошли. Родолене предложили на работе отдых в санатории Отмежач. Это был известный на всю область санаторий с чудесной минеральной водой. В нем отдыхали приезжие со всей Сибири.

Покупка путевки, поход в поликлинику, короткие сборы, и вот, от автовокзала автобус № 511 везет Каштановых в санаторий.

Через два с половиной часа – десятиминутная остановка. Несколько деревянных туалетов, кафе и довольно вкусные пироги с капустой, и еще два с половиной часа в дороге. Получасовая остановка, кафе «Сказка» и через пять минут Каштановых встретил красно-кирпичный санаторий Отмежач с фонтаном около реки Ячи.

Их заселили в довольно приличный номер. Врача удивило, что супруги отказались сдавать кровь, а просто выбрали процедуры, связанные с поправкой костного аппарата, ванны с минеральной водой и бассейн.

В этот день на обед были грибной суп и жаркое из форели, потом – процедуры, после ужина – танцы. В общем – все, как в нормальном санатории.

Дородная белокурая культмассовичка Алена Юрьевна Титова как могла веселила отдыхающий народ, вовлекая его в различные игры, хороводы, предлагая читать стихи, типа:

Отмежач, отмежач,
Ты сможешь, как врач.
Ты стоишь у реки,
Где луга широки.

Так прошло несколько дней. Вечерами Каштановы полюбили играть на бильярде. Однажды утром на доске объявлений Родолена и Сергей прочитали:

«Сегодня состоится концерт Максима Волкова «Мускатный вальс». Начало в 20-00 часов».

– Пойдем на концерт? – спросила Родолена.

– Пойдем, – согласился Каштанов. – Тем более – я знаю артиста. Вместе когда-то в литературный кружок ходили.

И они вечером пришли на концерт. Исполнитель чередовал свои стихи и песни, программа шла в течение часа с небольшим. У Волкова был своеобразный голос, очень высокий, но приятный. Каштанов уважал исполнителей именно за своеобразие голоса, если певца можно было узнать по радио без объявления. Кстати, у самого Каштанова был как раз такой голос – очень индивидуальный. Бесцветные оперные голоса оставляли Сергея Васильевича равнодушным. После концерта Волков предложил свои книги и диски. И люди покупали. Кому-то нравились стихи, кому-то песни.

Каштановы подошли к Волкову. Он после концерта сидел за столом и на книгах и дисках раздавал автографы.

– Привет! Узнаешь? – спросил Каштанов.

Максим поднял усталые серебристые глаза и улыбнулся.

– Привет, Сережа! Однако, лет пятнадцать не виделись.

– Больше. Лет двадцать пять.

– Да что ты говоришь? Вот время... Слушай, а выглядишь ты просто великолепно.

– А это заслуга жены. Познакомьтесь.

Родолена и Максим познакомились.

– Всегда уважал Максима за спокойствие и огромную выдержку. И за порядочность, – сказал Каштанов.

– Сейчас наговоришь, в краску вгонишь, – улыбнулся Волков.

– Как ты жил все это время?

– Нормально. Гастролировал, стихи писал. Конечно, были черные и белые полосы. Как у всех. Три года назад инсульт перенес. В слабо-средней степени. После похудел на двадцать пять килограммов и постепенно восстановился. Продолжаю концерттировать. И у нас в городе, и в других областях. А ты?

– Лесное хозяйство. Производство. Потом женился. Моя судьба могла бы повторить твою судьбу. Если бы в свое время не ушел из активного творчества.

Волков предложил:

– По маленькой?

Каштанов ответил:

– Только что-нибудь очень легкое.

– У Сережи тоже давление, – сказала Родолена, – Я пойду к себе в номер, а вы сидите.

Волков пошел в бар, принес две рюмки и бутылку.

После того как выпили, Волков помолчал, потом произнес.

– У меня перед тобой один долг остался. Дело одно. Я повел однажды себя некорректно.

– Какое дело? О чем ты?

– Помнишь, ходила в студию красивая такая девушка, Анжелика. Ты еще тогда влюблен в нее был.

– Еще бы не помнить.

– Она пришла к тебе на день рождения. И меня ты тогда пригласил. А потом ты подрался со своим другом детства. Художником.

– Пьяные были, – пожал плечами Каштанов.

– А мы с Анжеликой вас тогда разнимали. Так вот, после этого у меня с ней был половой контакт, а она призналась мне, что тебя нисколько не любит.

– Да ладно. Больше четверть века прошло. Я забыл давно. Тем более у меня сейчас совсем другая судьба. Очень необычная. Необыкновенно счастливая. И другая женщина, которая меня, к счастью, очень любит. Мы уже вместе десятки лет. А ты женат?

– Нет, к сожалению, – ответил Волков – Я никогда не умел, как ты, полностью уходить в любовь.

– Некоторые женщины это ценят, некоторые – нет.

Каштанов поставил рюмку на стол.

– Мне пора к жене. Ты когда уезжаешь?

– Завтра в 11 утра.

На следующий день, проведив Волкова, Родолена и Сергей Каштановы гуляли по лесу и любовались ветреницами и кандыками.

– Грустный человек, – сказала Родолена. – Половина песен веселых, а сам грустный.

– Напомнил мне далекую эпоху. Когда я был молодым и глупым. И все-таки я никогда не... Я всегда вел себя корректно по отношению к друзьям.

Каштанов замолчал.

– Ты что-то тоже загрустил, Сережа. А давай сыграем в подснежники. Я буду ветреницей, а ты – кандыком. На счет раз-два-три... Тем более – тут поблизости бьют минеральные источники.

Каштановы превратились в цветы и долго бегали по поляне, периодически ныряя в землю. Остальные цветы удивленно на них смотрели.

Глава 13. СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Обычно Каштановы жили не расставаясь. И только один раз после возрождения Родолены Сергей Васильевич Каштанов расстался со своей женой на несколько дней. Уехал июньским днем в Москву на всероссийское совещание. Благо, до очередного цикла было еще далеко.

В столице долго думал, что подарить жене на день рождения. Она справляла его в тот самый летний день, когда Каштанов нашел изумрудное зерно. Обычно Сергей Васильевич спрашивал жену о подарке. Они приходили в какой-нибудь магазин, и Родолена абсолютно точно выбирала нужную для нее вещь. Это мог быть кусок ткани, из которого она что-нибудь шила, или какая-нибудь экзотическая коробка конфет в пределах разумной цены. Но тут у Родолены предстоял юбилей и требовалось что-то особенное. Тем более супруга не сказала Каштанову, что именно она хочет. А день рождения был в день возвращения Сергея Васильевича. Французские духи не подходили, потому что Родолена была очень привередлива в ароматах (как любая женщина) и предпочитала сложные растительные сочетания, которые делала сама. Золото и драгоценные камни тоже не подходили, тем более что два кольца, серьги и браслет он ей за совместные годы купил, и она сказала однажды, что этого достаточно.

Каштанов долго и задумчиво бродил по Москве и вдруг зашел в магазинчик «Сваровски». И там ему очень понравилось маленькое розовое хрустальное сердечко. Прямо, на душу легло. Оно было немножко скошено и напоминало листик. И Сергей Васильевич приобрел его.

К счастью, жене очень понравилось это сердечко. В нем было отверстие для тесьмы, и Родолена прикидывала – куда она его поместит. Какое-то время она носила сердечко на сотовом телефоне, потом сняла и призадумалась.

У любого человека есть старый альбом. Особенно, если он давно живет в каком-либо городе. У Сергея Васильевича Каштанова тоже был такой альбом. После смерти матери этот альбом перешел к нему. Там были родственники, бабушки, дедушки. Обо всех людях в альбоме мама Сергея Васильевича, Ирина Петровна, в свое время рассказала сыну. Каштанов знал, когда они жили, когда умерли.

Информацию он тщательно записал на обороте фотографий. (Если она не была записана).

И только про одного человека Ирина Петровна не знала. Он погиб в 1943 году под Сталинградом, точнее, пропал без вести. Сохранилась только старая пожелтевшая фотография 1940 года. Зная, что у него не будет детей, Сергей Васильевич решил впоследствии отдать альбом дальним родственникам. Конечно, будь он более знаменитым, можно было бы отдать альбом в музей. Но Каштанов был здоровым человеком. И знал, что людей с такой внешней биографией, как у него – пруд пруди.

Но пока годы жизни тикали, альбом этот Сергей Васильевич держал у себя, время от времени рассматривая старую фотографию. За этим делом его и застала как-то жена.

– Ты что такой сосредоточенный? – спросила она.

– Годы летят. А на этом фото – единственный из родственников, о котором знаю очень мало.

– Расскажи о нем подробнее.

– Звали его Николай. Он приезжал к бабушке на станцию Тайга. Во время войны. Минут на тридцать. Она успела дать ему баночку меда, и он уехал на фронт.

Родолена задумалась.

– До станции Тайга два с половиной часа на электричке. Может, съездим?

– Давай. Я там сто лет не был. Может, дом бабушки сохранился и около него есть какое-нибудь старое дерево.

На следующий день Каштановы ехали на электричке в Тайгу.

Родолена была в серо-зеленом глухом платье ниже колен с рукавами до локтей.

Они вышли из поезда, перешли через железный мост и пошли по длинной улице. Был прохладный день конца июня. Потом Сергей Васильевич предложил свернуть налево.

– Вон – дом бабушки. Смотри – тополь растет. И довольно старый.

– Попробую с ним поработать.

Женщина подошла к дереву и погладила его. Пальцы забегали по узловатой коре.

Показались призрачные картины памяти старого дерева. Через час с небольшим Родолена позвала мужа и показала картинку.

– Твой родственник уезжал в ночь. Смотри, вот они выходят из дома, твоя бабушка провожает его до вокзала. На фронт.

Словно бледная видеозапись, на темной ночной картине высветились люди. Родолена пощелкала пальцами по дереву. Изображение стало ближе.

– Мужчина такой же, как на фотографии.

Каштанов до боли всматривался в картинку, желая запомнить дорогие мгновения. Потом Родолена оторвала руки от дерева и картинка погасла. Женщина поежилась.

Они поспешили на вокзал и на электричке уехали обратно в город.

На следующий день юбилей Родолены отметили в домашнем кругу, т. е. вдвоем. Они прилично выпили шампанского и мускатного вина, когда Родолена вдруг предложила прогуляться до Лагерного сада.

Они тихонько пошли пешком.

Берег сада осыпался. Родолена Николаевна и Сергей Васильевич в последнее время часто прогуливались до Лагерного сада, особенно когда Сергей Васильевич встречал жену около университета.

Мемориальный сквер, обрыв и река чем-то манили Каштановых.

На берегу стоял многоэтажный жилой дом. Сам берег был метраж в пятидесяти от дома. Оползневые процессы давно не давали покоя городу.

Хмельная Родолена критически посмотрела на обрыв и спросила:

– Что делать будем?

– Скорее всего, этот дом расселят.

Родолена положила руки на плечи мужа.

– Ты не хочешь сделать мне и городу подарок?

Ее зеленые глаза сияли лукавым огнем.

– Какой?

– Мы приманим берегоукрепляющие растения. И сами превратимся в них на время. Давай совершим маленький подвиг! Подвиг в мирное время.

Каштанов спросил:

– Во что превратимся?

– Давай, в малину. Ее часто выращивают как противооползневое растение. Я сейчас приманю столько растений, сколько смогу.

Родолена беззвучно зашевелила губами, а на обрыв стали подтягиваться берегоукрепляющие растения.

Родолена и Каштанов, видоизменились в малиновые кусты и сплелись корнями.

Родолена прошептала:

– Господи, как я тебя люблю, Сережа! Ненаглядный мой!

Узоры малиновых корней ласкали и гладили друг друга. Листва одного куста целовала листву другого. Два куста передвигались, вальсировали в незримом и плавном растительном танце.

Так прошло часа два.

Каштановы приняли человеческий облик.

Был поздний вечер. Женщина стала дрожать, слабо улыбнулась, достала из сумочки золотую тесьму с розовым сердечком и надела на руку.

– У тебя, Сережа, замечательный вкус. Всегда восхищалась.

Каштанов обнял жену за плечи, и они пошли домой.

Глава 14. ЛИСТОЕДЫ, ЛУИДЖИ И ЛУИЗА

В эту февральскую субботу Сергей Васильевич Каштанов блаженствовал у компьютера, оттачивая очередную статью. Когда в комнату вошла Родолена, он залюбовался женой. В пятницу был очередной сторательно-возрожденческий цикл и волосы Родолены, неокрашенные, светились цветом напитка «Тархун». Поверх золотистого платья сиял металлически-зеленый фартук с золотой буквой «Р» на нагруднике, а в руках были две вафельные зеленые тряпки: мокрая и сухая.

– А не сыграть ли нам в листоедов? – спросила Родолена.

Эта фраза была у них кодовая. Дело в том, что Каштанов очень любил красный борщ. Первые тринадцать-четырнадцать лет совместной жизни готовила в основном Родолена. Красный борщ немыслим без свеклы. А свекла, особенно когда ее

трещь, всегда может выстрелить бордовым соком. Старый фартук Родолены изнашился, и она превратила в два фартука свое металлически-зеленое шелковое платье, которое очень любила. Увы, это платье стало изнашиваться. Она чинила его, как могла, придумывала разные банты, но, увы. А ей нравился именно этот оттенок зеленого. Родолена никак не могла найти платье точно такого же цвета. После того как она стала доцентом, времени на работу стало уходить больше. Муж стал чаще помогать жене, тем более что Родолена не очень любила возиться с сырым мясом. Для мужа Родолена сшила фартук проще и крупнее, для себя – чуть поменьше и поизящнее. На нагрудниках Родолена вышила большие золотые буквы «Р» – на своем и «С» – на фартуке мужа. Когда они однажды пыхтели над приготовлением обеда, Каштанов усмехнулся: «Мы похожи на зеленых жуков-листоедов». Родолена ничего не сказала, но фраза «а не сыграть ли нам в листоедов» означала, что надо готовить еду или заниматься хозяйственными делами.

– Сереженька, нужно подняться на стремянку, смести паутину с углов на потолке и вытереть шкаф. Наши приключения не давали нам этого сделать. Да, чуть не забыла.

Родолена вернулась на кухню, принесла глубокую эмалированную лазурную чашу с теплой водой и поставила на стол.

Он сладко потянулся и обнял жену:

– Какая ты у меня красивая!

– У тебя тоже волосы зеленые. Так что тебе тоже предстоит быть неотразимым – красивым, мужественным, изумрудно-зеленым. Да, я уже начала готовить твой любимый борщ.

И пахнув любимым ароматом Каштанова – душистой геранью, жена скрылась на кухне.

Дома Родолена могла заниматься хозяйственными делами долго, т.к. отличалась пунктуальностью. К тому же она была очень чистолюбива. Каштанову ничего не оставалось, как залезть с тряпками на стремянку. Он уже полностью вытер шкаф и убрал тенету с углов, как Родолена крикнула:

– Сережа, иди скорей сюда!

Каштанов слез со стремянки и, вытирая руки тряпкой, пошел на кухню.

– Смотри!

Родолена, осторожно приподняв рукой фартук, держала на нем большого зеленого жука.

– Откуда он зимой? – изумился Каштанов.

– Не знаю.

Она боялась жуков, помня о Фагоцитусе. Но этот жук был вполне мирным. И тонким голосом он наскрипывал:

– Посмотрите скайп.

Каштанов включил компьютер и скайп. Жук исчез. На экране показался деловой и сумрачный Николо.

– Здравствуйте, друзья! Дело не требует отлагательств, поэтому я сразу же начну. Мне удалось узнать, кто подсунул нам Фагоцитуса. Я и не думал, что события моей молодости многолетней давности способны воскреснуть вновь. Это относится к тем временам, когда я был студентом. Нас на курсе было двое – самых честолюбивых. Я и Луиджи. Но Луиза – девушка, за которой мы ухаживали вдвоем, предпочла меня. Мы поженились и прожили счастливо двадцать шесть лет. К сожа-

лению, у Луизы было слабое сердце. Случился обширный инфаркт и она умерла. А Луиджи, похоже, так и не смог простить мне мое счастье с Луизой и ее смерть. Он еще студентом был неплохим энтомологом и в зрелые годы вывел это чудовище. Луиджи знал, что я занимаюсь родоленовыми кустами. Я знаю, что его конечная цель – погубить меня и дело всей моей жизни. А есть ли у него новые Фагоцитусы – я не знаю. И что делать – мне тоже неизвестно. Если будут какие-то мысли – выходите со мной на связь. Обнимаю.

И экран погас.

– Господи! – простонала Родолена и закрыла лицо руками.

– Я хочу жить как обычный человек, – всхлинула женщина. – Преподавать и вести практику по растениям, варить тебе борщи и другие блюда. – А приходится все время бороться за свои жизни.

– Что остается? Поедем в Италию и попробуем выйти на этого Луиджи. И спросим – чего ему надо? И не сможет ли он от нас отвязаться. Если он откажется – тогда будем думать.

– У тебя есть какие-то мысли? – с надеждой спросила женщина.

– Мысль пока одна. Но она очень зыбкая и требует подтверждения.

– Все равно – скажи, пожалуйста.

Каштанов заложил руки за зеленую шевелюру.

– Ты помнишь, как вел себя Фагоцитус?

– Он превращался в разных жуков и других насекомых. И пытался нас съесть.

– Правильно. А почему он это делал?

– Потому что ...

– Ну, ну...

– Потому что искал родоленовые растения. То есть нас.

– Правильно. То есть он был просто запрограммирован – искать и уничтожать нас. А любую программу можно нейтрализовать.

Однако через неделю Николо вновь вышел на связь.

– Через три недели Луиджи приедет в Венецию на карнавал. Он страстно любит карнавалы. Есть возможность там его найти. Но меня он узнает под любой маской.

– Карнавал! – воскликнула Родолена – Вы с ума сошли! Откуда у нас такие деньги? Одни костюмы сколько стоят.

– Не беспокойтесь. Большую часть расходов я возьму на себя. Вы, Родолена, продикуете мне данные вашей банковской карты, и деньги будут отправлены. От вас требуется одно – узнать адрес его лаборатории. Находится она где-то в Неаполе. Более подробные инструкции я дам вам через два дня. Когда все как следует обдумаю. Я тоже не миллионер. Надо так спланировать ваши расходы (я имею в виду ваши с мужем расходы), чтоб вы и с голоду не умерли, и чтоб мне изъясн своему карману не сделать. Родолена, не надо на меня дуться за старое. Кажется, так у вас выражаются. Я вам не враг. А задача у нас одна – чтоб вам живыми остаться и чтоб меня последние родоленовые растения не погубили. До встречи.

Каштанов потер переносицу.

– В организаторских способностях твоему Николо не откажешь.

– Николо мне иногда чем-то напоминает Сталина. Сколько тот злодейств совершил, а прошла Великая Отечественная война и до сих пор ученые скрещивают копыя – положительная роль у него была в нашей стране или отрицательная.

– Что ж, будем готовиться к карнавалу.

Глава 15. КАРНАВАЛЬНАЯ ВЕНЕЦИЯ

Николо был пунктуален. Ровно через два дня вышел на связь – веселый и бодрый.

– Я все обдумал. Итальянские расходы беру на себя. Вам необходимо будет из Санкт-Петербурга прилететь в Венецию и остановиться в маленьком городке Маргери в отеле «Нова Аврора». Это по улице Фрателло Бандьерро. Незаметный отельчик, в котором вы проведете ночь. Утром вы покинете отель и на автобусе заедете в город Местре. Там по адресу, который назову позже, вы найдете свои карнавальные костюмы. Выбирал на свой вкус, так что не обижайтесь. Размеры ваши. После этого поедете в Венецию и найдете отель «Белль эпок». Луиджи остановится в нем. Он страшный франкофил. Кстати, Луиза была француженка. Вы тоже остановитесь в этом отеле и сами ориентируетесь, когда вам переодеться в карнавальные костюмы. Ваша задача – познакомиться с Луиджи и разговорить его. На нем, скорее всего, будет маска баута – одна из древних венецианских масок. Фотографию Луиджи я вам уже выслал. Венеция – один из очень немногих способов увидеть его. Обычно он прячется. И я не знаю – где. Именно в этом нужна ваша помощь. Хотя и не только в этом. Адрес его лаборатории в Неаполе. Адрес – вот главное. Визитная карточка. Держите меня на связи. Удачи.

После того как экран погас, Родолена задумчиво сказала:

– Одно плохо – наш цикл может произойти в самый разгар карнавала. До поездки, Сережа, нам надо будет потренироваться, как обычно, сгорать без сторания одежды. Это несложно – просто скидывать ее и сгорать голыми. Но костюмы на нас будут старинными. Историческими. Всяких завязок и крючков полно. Не надо забывать – карнавал проходит зимой. Чтоб нам там совсем не околеть. А то Луиджи и мучиться не надо будет над созданием новых Фагоцитусов – сами вымерзнем. И еще – нужно как-то замотивировать наш отъезд на две недели.

Оставшееся время до отъезда пролетело незаметно. Потом был поезд до Москвы, пересадка на Ленинградском вокзале, аэропорт в Санкт-Петербурге, пересадка в Прибалтике, Венеция и автобус до городка Маргери. Усталые Родолена Николаевна и Сергей Васильевич заселились в отель, в прозрачном лифте заехали на второй этаж в свой номер и легли спать, даже не поужинав.

Выполняя инструкции, утром съехали, сели на автобус и поехали в город Местре. Долго искали по адресу нужный дом. Хозяин, пожилой разговорчивый итальянец, передал им наряды.

– У Николо неплохой вкус – заметила Родолена, примеривая серебряно-зеленый наряд с серебряной же полумаской. – Звезд с неба не хватает, скуповат, но вкус есть.

– Да уж – отозвался Каштанов, надевая малиново-золотой наряд в стиле восемнадцатого века. Я похож на Казанову, тебе не кажется?

– В тюрьму бы только не попасть, как Казанова.

– Надо постараться.

Они опять переоделись в свою одежду, взяли наряды и на автобусе поехали в Венецию. Не очень долго ходили, пока нашли отель «Белль эпок» (Николо скинул подробную схему), потом устроились в этом трехзвездном заведении.

– Номер очень даже ничего, – промолвила Родолена, осматривая витую, с золотом спинку кровати.

– М-да, неплохо – ответил Каштанов и поставил сумки.

– Ты не устал?

– Нет. Как узнать, в каком номере остановился Луиджи?

– Придется использовать наши способности. Только сначала поедим.

Но свои способности по превращению в растения им использовать не пришлось. В роскошном ресторане с бело-золотистыми столами и стульями пообедали три посетителя. Один из них, сидевший одиноко за столом, был Луиджи. Его фотографию Николо скидывал по электронной почте. Довольно крепкий жилистый старик с густой копной белоснежных волос. Родолена достала из сумочки ручку и на салфетке написала записку: «Сережа, для Луиджи я буду Елена Николаевна. Я сейчас выйду на пять минут, а потом мы заведем с тобой разговор о бабочках». Каштанов прочел, не очень понял, но ничего не сказал. Родолена вышла и минут через десять вернулась с двумя фотографиями.

– Сережа – по-итальянски сказала жена – твой карнавальный кафтан украшен бабочками-крапивницами.

И показала ему снимок его костюма. И при этом пододвинула ему записку, где написала: «Спорь, что это многоцветницы».

– Дорогая, мне кажется, что это многоцветницы.

– А мне все-таки кажется, что это крапивницы.

– Нет, у крапивниц совсем другой узор на крыльях.

Луиджи слушал-слушал, потом не выдержал и подошел к их столику.

– Извините, разрешите посмотреть.

Родолена дала ему снимок. Луиджи посмотрел и весомо заметил:

– Мне кажется, это бабочка под названием «Углокрыльница эс-белое».

Родолена всплеснула руками.

– Правда. Абсолютно верно.

– Оригинальный наряд, – сказал довольный Луиджи. – Первый раз на карнавале?

– Да.

– Позвольте представиться – Луиджи положил на стол визитную карточку. –

Профессор Луиджи из Неаполя.

– Мы из России. Елена Николаевна и Сергей Васильевич Каштановы. Биологи.

– Елена Николаевна, где я мог вас видеть? Вы пойдете на площадь Святого Марка? Там все начнется.

– Не знаю, где. На площадь мы обязательно пойдем.

– Тогда жду вас через час внизу, в карнавальных костюмах.

Через час Луиджи был одет в черный с серебром костюм и маску баута.

Чем ближе подходили они к площади Святого Марка, тем больше разнообразно одетого карнавального народа встречалось.

Потом было празднество на площади и плавный полет девушки-ангела.

Луиджи завел их в кафе неподалеку от моста Риальто. Они сели за столик и Луиджи снял маску. Ворот серебряно-зеленого платья Родолены открывал ей шею.

Они заказали по бокалу красного вина и большую пиццу. Разделили на три части и погрузились в еду. Луиджи расспрашивал о России, о биологии. Родолена и Сергей поддерживали светскую беседу. Вдруг Луиджи спросил:

– Елена Николаевна, скажите, откуда у вас эта камея?

Взгляд его черных неприятных глаз был пронизывающим.

– Мне подарил ее наш хороший друг. А что?

– Она очень похожа на камею женщины, которую я когда-то очень любил. Камея

продавалась на мосту Риальто в магазинчике и стоила баснословно дорого. Мой соперник меня тогда опередил. И когда женщина пришла ко мне на наше последнее свидание, и я увидел у нее на шее эту камею...

– Мне очень жаль, – сказала Родолена. Помолчала и сказала:

– Луиджи, а можно вам задать вопрос? Он может быть для вас неприятным.

Он язвительно засмеялся.

– Елена Николаевна, ну какой ваш вопрос может быть для меня неприятным?

Мы едва знакомы.

Каштанов похолодел.

– За что вы так не любите родоленовые растения и профессора Николо? За что ваш Фагоцитус погубил женщину по имени Долли Наро и едва не погубил меня? Точнее нас. Что, только из-за того, что в молодости Николо отбил у вас девушку, ставшую потом его женой?! Но это идиотизм.

На Луиджи было страшно смотреть. По старческому лицу прошла судорога, а глаза наполнились таким количеством злобы и страдания, что Каштанов подвинулся ближе к жене.

– Вы... Вы-ы-ы... – проскрежетал зубами Луиджи.

– Да, мы. Хочу вас предупредить, что победить нас вам не удастся. Никогда! Никто не дал вам права распоряжаться чужими жизнями и губить науку. Прекратите это, пока не поздно!

Родолена жестко рубила фразы, а из ее глаз шел такой силы зеленый огонь, что профессор вздрагивал. Он вскочил, плюнул в пол и закричал:

– Я вас раздавлю, как вашу Долли! Разотру в порошок! Уроды! Помойка эволюции.

И, схватив маску, выбежал на улицу, где растворился в праздничной толпе.

– Пойдем, родной! – сказала Родолена и взяла за руку Сергея Васильевича.

Народу повсюду было очень много. Родолена сказала:

– Сережа, надо найти какой-нибудь парк. Хотя бы маленький. В нем будет проще сгорать и возрождаться, чтоб нас не видели. На этот раз придется делать это очень быстро, чтобы возродиться, пока наши костюмы не унесли. У нас на все про все минут тридцать.

Они побежали сколько было сил. Бежали по мостам и мостикам, по средневековым улочкам, мимо храмов, театров, институтов.

– Что делать?! – воскликнула Родолена – до сгорания осталось минут десять.

Скоро волосы позеленеют.

– Вон вдали какой-то парк. И народу немного.

– Скорее туда.

Родолена, придерживая длинное платье, Сергей, намотав плащ на руку, из последних сил оказались у маленького парка. Каштанов перепрыгнул за металлическую ограду, подхватил жену, помог ей перелезть. Они спрятались за каким-то кипарисом. Только успели обняться – враз вспыхнули зеленым огнем. Через минуту на земле лежали только пустые костюмы.

Влага в парке была. Изумрудное зерно стало набухать и через несколько минут обнаженные Родолена и Сергей Васильевич возродились. Придя в себя, пошатываясь и дрожа от холода начала марта, они стали надевать карнавальные костюмы. Родолена прошептала:

– Знаешь, Сережа, у меня кружится голова и почему-то немеют ноги.

Родолена опала на Сергея Васильевича. Он левой рукой обнял жену, а правой снял плащ, положил его темной стороной на землю и усадил Родолену. За пределами парка слышались музыка, шум фейерверков, пение. Сергей Васильевич встал на колени и попытался согреть женщину, как делал это почти тридцать лет. Родолена повернулась к нему и тоже встала на колени. Каштанов привычно согревал дыханием и поцелуями ее руки. Минут через десять женщина согрелась и по привычке стала гладить его лицо.

– Родной мой, твоя жена совсем ослабела.

– Ничего, я тебя понесу.

И Каштанов понес Родолену по карнавальной Венеции, мимо танцоров, певцов и сказочного многообразия костюмов.

– Подожди, Сережа! Кажется, ноги начинают реагировать. Я сейчас попробую...

Каштанов поставил жену, она крепко взяла его под руку и, пошатываясь, пошла рядом.

– Сереженька, покупаем четыре бутылки вина, фрукты, две пиццы, идем в номер и пируем.

– А четыре бутылки – не много будет?

– Не много. Я так продрогла, что необходимо согреться.

Мимо прошла пара. Дама была в соболином манто. Каштанов прищурился.

– В России куплю тебе такое же. Чтoб никогда не мерзла.

– Не надо. Соболей жалко. И потом – ты согреваешь меня лучше всякого манто.

Глава 16. РИМСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Хоть Каштанов и грел Родолену, как она говорила, лучше всякого манто, карнавальные наряды в своем номере они не снимали до утра. А может, им казалось, что в номере было прохладно. Николо великодушно разрешил еще день погулять по карнавальной Венеции и вечером следующего дня ехать в Рим. Поэтому, выпив четыре бутылки вина и съев до крошки фрукты и пиццы, Каштановы разулись и в нарядах, обнявшись, свалились в широкую королевскую кровать с золотой витой спинкой.

– Я думаю, мы заслужили праздник, – говорила захмелевшая Родолена. – Визитная карточка Луиджи у нас есть. И потом, где мы еще можем полюбоваться на наши серебряные и золотые руки, которыми мы уже столько сделали? Нигде не сможем. Если Луиджи даже каких-то насекомых приманит – сейчас почти зима. Они все сохнут. Кстати, кто-то обещал греть меня, как соболиное манто.

– А зачем ты сказала ему обо всем?

– Пыталась пробиться к его темной душе.

На следующий день, в карнавальных нарядах Каштановы гуляли по Венеции, плавали на гондоле, а вечером уехали в городок Местре, отдали наряды и сели на поезд до Рима. Вокзал Турбентино, потом – Термини, автобус, и вот он, Николо, как будто и не расставались.

– Я уже потерял счет моим благодарностям вам, Родолена, – говорил Николо, усаживая их на диван.

– Мы скоро в Италии будем жить дольше, чем в России.

– Самое главное вам предстоит в Неаполе. Необходимо выяснить, что заставляет

группироваться насекомых согласно воле и приказам Луиджи и как это прекратить. Если вы, друзья мои, сможете это сделать, задача будет решена, уникальные родоленовые растения спасены, а вы – избавите от смертельной опасности как свои жизни, так и жизни совершенно ни в чем неповинных женщин родоленовых женщин.

Николо стал накрывать на столик. Как обычно – чай, печенье, конфеты. Родолена вытащила из-под платья камео, подаренную Николо. И спросила:

– Скажите, профессор, а с этой камеей связана какая-то история? На нее обратил внимание Луиджи.

Николо помолчал, потом на его лице появилась саркастическая улыбка.

– Вся история этой камео только в том, что она когда-то страстно понравилась Луизе. Вы думаете, Родолена, что я скуп? Я не скуп, я экономен. Просто надо знать – на что тратить деньги, и вкладывать их так, чтоб они впоследствии на вас работали. Я жил на хлебе и воде месяцев восемь, чтоб иметь возможность купить эту камео для Луизы. И после этого понял, что приобрел жену. Луиза оказалась хорошей женой. К сожалению, у нас не было детей. А Луиджи, который вообще-то был щедрее меня, в этой ситуации сплеховал. И Луиза оказалась для него потеряна.

– А где похоронена Луиза?

– На Тестаччо. Она была француженкой.

Родолена спрятала камео под воротник.

– Мы, наверное, сходим на Тестаччо. Можем посетить и последний приют Луизы. Благодаря знакомству с вами, Николо, у нас появились в Италии и Франции странные друзья: кладбищенские кошки, призраки.

Старик усмехнулся:

– Когда занимаешься родоленовыми растениями, перестаешь чему-то удивляться.

Николо встал, подошел к шкафу, достал оттуда папку, вынул большую цветную фотографию и показал Родолене.

– Это фрагмент кладбища, а вот здесь – могила моей жены.

Они обсудили подробно все детали предстоящей поездки в Неаполь, вплоть до отхода поезда и цены билета. Женщина спросила напоследок:

– Скажите, Николо, а жив ли Альфредо.

– Альфредо жив. Хотя живот ему врачи долго чинили. Постарел, особенно после смерти Долли. Стал очень набожен. Часто посещает церковь Сан Джованни.

На улице Родолена сказала:

– Надо зайти в магазин, купить моцареллу. Жива ли Татьяна. Мы так хорошо друг друга понимали.

– Жива, конечно, – ответил Каштанов, – Совсем еще молодая кошка. У тебя есть какие-то идеи?

– Есть одна. Только я проголодалась. Такое ощущение, что Николо питается одними печеньем и конфетами. Я хочу что-нибудь посущественнее. Тем более что мы в отеле не останавливаемся, а вечером едем в Неаполь. Часов семь у нас есть.

– Да. Не скупой, но экономный Николо, похоже, питается в кафе. Последуем его примеру. Наше любимое кафе у Колизея жаждет накормить двух путешественников пищей с морепродуктами.

И они покатали свои дорожные сумки к Колизею. Поели, выпили красного сухого, потом пошли пешком до метро Пирамида, где и находилось кладбище Тестаччо.

Погода в начале марта в Риме стояла довольно теплая. Они отыскали могилу Луизы.

– Серженька, ты пока посиди на лавке. А я побеседую с моим другом кипарисом.

Родолена стала наглаживать дерево, потом перебирать пальцами, как на клавиатуре. Минут через сорок, довольная, жестом позвала Сергея Васильевича.

– Смотри, вот Луиджи. Два дня спустя, после похорон Луизы, у ее еще свежей могилы. Теперь мы знаем год, месяц, день и час его прихода. Пойду искать Татьяну. Приготовь сыр.

Минут через пятнадцать Родолена с кошкой Татьяной показались из-за надгробий. Каштанов поздоровался с кошкой и подал ей сыр. Татьяна потерлась об их ноги, зажмурилась, когда Родолена почесала ее за ухом.

Родолена помурлыкала с Татьяной, потом Каштановы, раздевшись, обернулись травинками и, уцепившись за кошку, буднично прошли в иное пространство. Потом было быстрое одевание.

Волосы Луиджи были черными, как смоль. В глазах таились одновременно грусть и ненависть. Каштановы подошли к могиле.

– Жена? – спросила Родолена.

– Нет, – отрицательно мотнул копной черных волос Луиджи. – Любимая.

– Она была хорошим человеком?

Луиджи долго молчал, потом ответил:

– Да.

– Главное – не скатиться до ненависти к сопернику.

– Что вы знаете! – в глазах его сверкнула лютая злоба, и он быстро ушел.

Каштановы вернулись в свое время. Сели на лавку и долго молчали. Сергей Васильевич поправил шарф.

– Теперь понятно, почему Луиджи в Венеции говорил, будто где-то тебя видел.

– Да, только боюсь, ничего доброго наша встреча не прибавила. Я старалась, потому что борьба с ним предстоит смертельная. Ну, хоть как-то его остановить! Некоторых людей личное горе меняет в лучшую сторону, ну хотя бы взять того же Альфредо.

– А мне кажется, что в каждом человеке намешано столько всего... Как в мозаике. Если светлых деталей больше – человек развивается по светлому пути. Или борется с собой. А если больше темных...

– Тогда возникает вариант Луиджи. Только времени на его исправление у нас нет.

Каштановы встали и покатали сумки к вокзалу Термини. До поезда на Неаполь оставалось не так много времени.

Глава 17. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В НЕАПОЛЕ

Пока ехали до Неаполя, Родолена дремала, привычно положив голову на плечо Сергею Васильевичу. Минут за сорок проснулась, сладко потянулась.

– Почему-то устала так, что кошмар. У тебя плечо не затекло?

– Нет, – улынулся Каштанов и обнял жену.

Зазвонил сотовый Родолены.

– Да, я слушаю.

И похолодела от ответа. Из трубки донеслось:

– Это Долли Наро. Здравствуйте. Вы где сейчас?

Голос был, безусловно, ее но какой-то глухой. Счастливая Родолена закричала:

– Здравствуйте, Долли! Как хорошо, что вы живы! Мы едем в Неаполь. Скоро будем.

– А я как раз в Неаполе. Я вас встречу. Какой у вас поезд?

Родолена сказала номер поезда. Потом спросила Каштанова:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Ничего не понимаю. Знаю одно – мертвую Долли мы никогда не видели. Зерна ее тоже. Знаем эту информацию со слов Николо и Фагоцитуса. А если допустить, что Долли просто уехала в Неаполь, порвала с Николо?

– Но у нее не было на то причин.

Каштанов пожал плечами.

– Как сказать. Мы ведь бываем в Италии наездами. Какие у них были отношения?

– Мне кажется – ровные. Что посоветуешь?

– На всякий случай, будь готова ко всему. Имею в виду наши быстрые превращения во вьюны. Превращаемся или вместе с одеждой, или без нее. Лучше оговорить все детали здесь. Не забывай – мы вступаем в царство Луиджи.

Между тем поезд подъехал к Неаполю.

Каштановы взяли сумки и спустились на перрон. Они увидели вдали знакомую женскую фигурку в джинсах, сапогах, черной кожаной куртке, золотистом шарфе и золотистом же платке до бровей. Долли на минуту сняла, а потом одела черные большие очки.

– Здравствуйте, – сказала Долли, и они поочередно обнялись. – Как доехали?

– Проспала всю дорогу, – смущенно сказала Родолена.

– Вы где хотите остановиться?

– Забронировали номер на улице Сан Никола Дея Казетти. Но найти эту улицу будет трудно.

И Родолена достала схему Неаполя.

– Я вам помогу, – сказала Долли. – Пойдемте. Тут минут тридцать ходьбы.

Она быстро пошла вперед, а Родолена тихо сказала мужу:

– Как густо у нее напудрено лицо. И еще, когда мы обнимались, ощущение было, что ее тело пульсирует. Точками. Как при точечном массаже.

Они шли с площади Гарибальди. Рядом проносились мотоциклисты. Повсюду лежали огромные кучи мусора.

Потом они свернули направо. В эту улицу впадали три щелеобразные узкие улицы. Одна из них и была Сан Никола Дея Казетти. Хоть поблизости и слышался громкий говор играющих во что-то пенсионеров, темень была приличная.

Каштановы стали искать свой номер дома. Долли вытянула руку:

– Вон, через дом и ваш отель. Ну а теперь попрощаемся.

– Вы к нам не зайдете?

– Я бы и рада. Но зачем? Вас сейчас не будет. Никогда...

– Родная, вьюн! – закричал Каштанов. Они бросили сумки (только одежда упала на землю) и мгновенно превратились во вьюны. Поползли по стене дома. Одежда Долли, очки, пудра с лица тоже опали. Из куртки вылетел рой жуков. Жуки с жужжанием кинулись на вьюны. Вьюны превратились в другой вид вьющихся растений. Родолена говорила названия, и они, вместе с мужем, превращались. Надо было знать – на какие именно растения натренированы жуки-листоеды, и остались ли еще те, которые они не знают.

Часть жуков составила в воздухе огромное лицо Долли с пустыми глазницами.
– Вон они! – кричало лицо. – Хватайте их.

Вьюны были на крыше. Они ползали по ней, периодически видоизменяясь, так, чтоб жуки не успевали перестроиться. Они спустились с противоположной стены дома и кинулись на соседний. Вьюны-Каштановы в бешеном темпе ползли по домам. Рой жуков становился все реже и реже. Лицо Долли также превратилось в жуков. Когда Каштановы доползли до набережной Санта Лючия – не осталось ни одного жука. Каштановы приткнулись в виде водорослей под большим камнем и постарались перевести дух.

– Тихий ужас какой-то – простонала Родолена. – Ты как?

– Хреновато. Кажется, сердце из груди вырвется. Мне, солнышко мое, через два месяца шестьдесят стукнет. Только сейчас об этом вспомнил. Знать бы – на какое расстояние Луиджи нас видит. Просто так отстали жуки или он еще какую-нибудь каверзу замышляет. Видимо, Луиджи взял телефон Долли и сориентировался по нашему номеру. Но какой гениальный энтомолог! Создать из жуков бедную Долли Наро и управлять ею. Фантастика!

– Одно хорошо. От имени Долли Луиджи уже звонить не сможет. А значит – и пронаблюдать за нами тоже.

– Осталось вернуть сумки. Там ноутбук, все вещи. Когда запахло жареным, я попытался задвинуть их в самый темный угол около дома. Но утром их обязательно кто-нибудь найдет, и тогда все пропало.

– Отдохнем еще часик и в обратный путь. А как ты почувствовал, что Долли – это не она.

– Все было не совсем то. Главное – пульсация.

Часа полтора искали они свои сумки и одежду, лагая по старым домам и дворам Неаполя, пока не нашли эту щелеобразную улицу.

Зелеными змеями подползли к тому, что осталось от лже-Долли, и приняли обличье людей. Телефон Долли был отключен. Каштанов положил его в целлофановый мешок и засунул в боковой карман своей сумки.

– Потом отдадим Николо на память о Долли Наро. А сейчас это единственная связь с Луиджи.

– А как на него выйти?

– Не знаю. Займемся телефоном, когда выберемся на безопасное место с возможностью отхода при погоне. Я не знаю, может ли он приказывать жукам, чтоб они караулили на каком-то месте, здесь, к примеру. Но поселиться в этот отель мне расхотелось. Его может пасти Луиджи. Ему известен адрес. Выберемся на безопасное место, свяжемся по скайпу с Николо, пусть поищет нам другой отель.

– А батареи в ноутбуке хватит?

– Минут на сорок хватит. Фокус в том, что я не знаю, обладает ли Луиджи способностью фиксировать в Неаполе наш телефон во время звонков, или он смог наслать на нас лже-Долли по звонку именно ее телефона.

– Думаю, все-таки по телефону Долли.

– Хотелось бы на это надеяться.

Они добрались до моря, и Сергей Васильевич настроил скайп. В телеграфном стиле все передал Николо, тот просил связаться с ним через пятнадцать минут. Николо отыскал и забронировал им другой отель и скинул схему – как до него добраться.

Еще час поисков отеля и совершенно измученные Родолена и Сергей Васильевич свалились на кровать.

Глава 18. ДОМ ЛУИДЖИ

Утром Родолена Николаевна и Сергей Васильевич оставили деньги и ценные вещи в сейфе на ресепшене, а сами пошли искать дом Луиджи. По его визитной карточке Каштановы нашли дом. Симпатичное двухэтажное здание в классическом стиле. Маленький, с десяток деревьев, парк. Сад. Постояли за железными воротами. Сквозь решетку были видны два здоровенных мастифа, лениво гуляющие по двору.

– Очень серьезные собачки, – сказал Каштанов. – Их раньше разводили для охоты на леопардов.

– Я представляю – каково попасть такой псине на зубок.

– Превращаемся во вьюны – ползем очень медленно, прячась за деревья. Одежду и обувь – в пакет.

Два зеленых вьюна (один с пакетом) бесшумно переползли ворота и, прячась за деревьями, направились к дому. Часа через полтора Луиджи вызвал машину и уехал.

Окна были закрыты. Вьюны поползли по стене дома на крышу. Через чердак проникли внутрь.

– Главное – найти его лабораторию, – шепнула Родолена.

И не заметили опасность. Ловкая кошка тихо подкралась и вцепилась во вьюн-Каштанова. Он взвыл от боли. Родолена своим телом сплела петлю и накинула кошке на голову. К счастью, та не успела сильно сжать челюсти. Родолена не стала убивать животное, а вместе с Сергеем Васильевичем залезла на высокий шкаф.

На мяуканье кошки пришла горничная, но ничего не увидела. Когда горничная ушла, Родолена на минуту обернулась человеком и быстро сбросила животному какой-то порошок, который кошка с наслаждением слизала и, покачиваясь от усталости и удовольствия, залезла на кресло и заснула.

– Концентрированный раствор валерианы лекарственной, – прошептала Родолена и вновь превратилась во вьюн.

Каштановы, потихоньку ползая, обследовали весь дом, приблизились, насколько было возможно, к лаборатории и затаились на другом шкафу.

Часа через три Луиджи вернулся, пообедал и пошел в лабораторию.

– Сережа за ним, очень быстро и как можно незаметнее, – прошептала Родолена.

Они мгновенно проползли за Луиджи. Комната с высокими стенами. Там тоже стоял большой шкаф, и вьюны немедленно заползли на него. В комнате стояли высокие садки с жуками. На садках были приклеены большие цветные фотографии Долли Наро, Николо, Родолены и Сергея Каштановых.

– Сережа, – зашептала Родолена. – Нам необходимо превратиться в мох. Это споровое растение, превращаться в него будет больно и противно, однако я боюсь, что жуки могут реагировать на нас, когда мы – вьюны или другие высшие растения.

– Согласен, – прошептал Каштанов, и они обернулись мхом. Каштанов ощутил на редкость отвратное состояние, сходное с глубочайшим похмельем и тошнотой.

– Здесь слегка влажно и некоторое время можно не беспокоиться – шепнула Родолена. – А теперь надо послушать его планы.

К счастью, у Луиджи была привычка говорить с самим собой, когда он был один.

– Н-да, жаль, что идея с Долли Наро так быстро себя исчерпала.

Он отцепил от садка с жуками фотографию Долли и положил ее в папку.

– Как же узнать, куда этот мерзавец Николо их заселил. И что делать дальше? Главное – Каштановых надо разлучить хотя бы на пять минут. И справиться с ними поодиночке. Потом приехать в Рим лже-Каштановым, зайти в квартиру Николо и поквитаться. Узнать любым способом – где еще родоленовые кусты, с которыми справятся мои жуки. И делать все это надо последовательно. Надо внести в память компьютера все высшие растения, Родолена Николаевна с мужем в них великолепно превращаются. В этом им нет равных. Ну, что ж, будем делать супругов Каштановых.

Луиджи подошел к садкам, на которых были фотографии Каштановых, и открыл их. Подскочил к компьютеру и его руки быстро забегали по клавиатуре. Из двух садков поднялись два роя жуков. Фотографии Каштановых были у Луиджи и в компьютере. Он, как скульптор, лепил их фигуры, и рои жуков принимали формы Родолены Николаевны и Сергея Васильевича. Луиджи достал из шкафа женский зеленый костюм, очень похожий на повседневный костюм Родолены, женские зеленые туфли, чулки. Несколько движений по клавиатуре – и рой жуков влетел в женский костюм. То же самое Луиджи проделал с мужским костюмом. Луиджи работал вдохновенно, как художник.

– Так, теперь пудра. Ее нужно много.

Он пудрил живую мозаику жуков, работая над лицами, как тончайший гример.

– Так, о чем же я забыл?

Луиджи уткнулся в компьютер и стал внимательно рассматривать фотографии Родолены и Сергея Каштановых.

– Ага, он постоянно греет ей руки. Понятно, растительная кровь. Ей все время холодно. А, вот о чем я забыл! Вспомнил! Перчатки. Она в них и летом и зимой.

Луиджи вытащил из шкафа пару женских тонких зеленых перчаток и достроил портрет Родолены. Еще несколько яростных движений по клавиатуре, и вот Каштанов берет руки Родолены, согревает их дыханием. Портрет оказался настолько правдоподобным, что настоящие Каштановы, превратившиеся в мох, смотрели на это как на чудо. Их двойники из жуков прохаживались по лаборатории. Луиджи все время поправлял что-то на компьютере. Потом устало откинулся на стуле и вытер лоб.

– Можно и отдохнуть. Так, фиксируем, сохраняем. Теперь мои милые насекомые смогут воспроизвести фигуры за пять минут. Уф, даже самому нравится. По-моему, я превзошел самого себя. Кстати, время ужина. Ну, что ж. Я его заслужил.

Луиджи убрал костюмы обратно в шкаф, рои жуков улетели в садки. Профессор вышел из лаборатории в гостиную.

– Гениально, фантастика, – восхитился Каштанов. – Луиджи великий энтомолог!

– Ага, живет только долго. Этот гений собирается уничтожить нас и весь наш род. Этого взбесившегося гениального маньяка надо останавливать. А вот как это сделать, Сереженька, надо подумать. Если бы мы не проникли в лабораторию и не узнали обо всем, через пару дней...

– Да, узнать адреса отелей в Неаполе и найти нас не так трудно. Тут один вопрос – что нам делать с Луиджи? Программу мы уничтожим, жукам в садки спустим формалин – неизвестно как себя эти твари поведут. А что делать с самим создателем этого чуда? Убить то мы его с тобой не сможем. Мы без труда, превратившись в соответствующие растения, могли бы задушить профессора или увезти и утопить

его. Я могу убить комара или мошку. Но Луиджи у меня не ассоциируется с комаром. И оставлять его, даже без ничего, весьма опасно. Это маньяк. Он сможет на другом компьютере восстановить свою программу. А это означает – вечный страх для нас. Вдуматься – идиотская ситуация. Двое людей, которым, вернее, одному из которых шестьдесят лет, бегают от восьмидесятипятилетнего человека, спасая свои жизни!

Родолена пригорюнилась. Муж был прав. Она сжала виски.

– Нужно придумать что-то изящное.

– А Татьяна не сможет нам помочь?

– Подожди. Ты имеешь в виду...

– Да. Закинуть его куда-нибудь, но не на сорок лет назад, где он может встретить себя молодого, а во времена Бонапарта или еще раньше. Когда не было даже намека на компьютеры.

– Сережа, ты гений! Но как мы превратим Луиджи в траву для переноса через портал?

– А помнишь, на заре наших отношений ты превращала меня в растение. На короткое время. Когда я еще не был с тобой одной крови.

Глава 19. ПЕРЕНЕСЕНИЕ

– Там был очень сложный состав порошка. Что же туда входило?

Родолена потеряла виски.

– Так, я, кажется, вспомнила. Но это нужно сделать не здесь. Сережа, пока уничтожай программу, а я поищу формалин.

Каштановы, превратившись во вьюны, слезли со шкафа и оделись. Садки были закрыты. Сергей Васильевич без труда уничтожил программу Луиджи. Родолена отыскала формалин, и они быстро засыпали его во все садки, чуть приоткрыв их.

Когда Луиджи, ничего не подозревая, в великолепном настроении вернулся, его ждала печальная картина. Сдохшие жуки, уничтоженная программа. Но Луиджи даже возмутиться не успел. Родолена брызнула на профессора. Он сразу заснул, и супруги положили его в кресло.

– А как будем выносить? – спросил Каштанов.

– Сережа, по его телефону вызови такси. Он через десять минут проснется, а я придумала еще одну штуку.

На профессора снова полетели капли.

Когда Луиджи проснулся, он смотрел на них с наивной улыбкой.

– Здравствуйте, друзья мои! А где мы могли видеться?

– На конференции, профессор, – улыбнулась Родолена, принявшая человеческий облик. – Сейчас начнется пленарное заседание, такси нас ждет.

Каштанов помог профессору встать со стула. Они втроем вышли из лаборатории. Изумленной горничной профессор сказал:

– Это со мной.

Тяжелее всего было пройти мимо свирепых мастифов. Каштановы подумали одновременно – не превратиться ли в растения. Так бы и сделали, но профессор повелительно скомандовал собакам и они их не тронули.

Каштановы и Луиджи приехали в отель. Родолена усыпила профессора, пока Сергей Васильевич настраивал скайп.

Николо чуть не подпрыгнул от радости, когда увидел спящего Луиджи.

– Великолепно! Брависсимо! Как вам это удалось?

Родолена коротко и точно рассказала, а Сергей Васильевич просил найти легковую машину и приехать в Неаполь, чтоб увезти Луиджи в Рим. Оставалось ждать и периодически брызгать на Луиджи, чтоб тот продолжал спать.

Часов через семь дождались. За рулем был сам престарелый Николо. Они втроем перенесли Луиджи в машину и уехали. По дороге Каштановы рассказали о своем плане. Николо их полностью во всем поддержал. Была бы возможность, он с удовольствием упрятал бы Луиджи в сумасшедший дом. Родолена с усмешкой сказала:

– Профессор, денег у нас в обрез. Надо купить побольше сыра моцареллы. Порций пять. Для нашего большого друга. И вы навсегда избавитесь от вашего главного врага. И мы тоже. А сейчас мне нужно приготовить один порошок...

На Тестаччо Николо увидел, как Родолена работает. Познакомился с кошкой Татьяной. Родолена, Сергей Васильевич и Луиджи обернулись травинками. Две травинки обмотались вокруг задних кошачьих лап, а третью пристроили под хвостом. Татьяна успела за десять минут добежать до времен великой французской революции.

Каштановы оставили на Тестаччо восемнадцатого века спящего Луиджи с его костюмом и вернулись в настоящее время. Николо понял, что в мире есть много неизведанного. На прощанье он расщедрился и в хорошем ресторане заказал для Каштановых роскошный обед из нескольких блюд, и даже кьянти...

Сидя в самолете и пристегиваясь, Родолена сказала:

– Конечно, лучше бы Луиджи оставить мужской карнавальный костюм – он в стиле эпохи. Надеюсь, у него хватит ума прийти в какой-нибудь монастырь.

Глава 20. ПОДАРОК РОДОЛЕНЫ

Со времени итальянских событий прошло два месяца, и к Сергею Васильевичу подкатил юбилей. На работе, совершенно неожиданно, ему предложили должность заместителя руководителя управления.

– Да я вообще-то хотел на пенсию уйти, – пролепетал Каштанов.

– Да что вы, Сергей Васильевич, вам на пенсию еще рано.

Недавно назначенный начальник управления смотрел так ласково, словно Каштанов был его самым лучшим другом. Несколько человек руководящего состава недавно потихоньку ушли, кто на пенсию, кто на другую работу. Каштанов хотел последовать их примеру. Нового начальника воспринимали как новую метлу.

– Вы работаете начальником отдела уже двадцать восемь лет. Это огромная цифра. Все плановые задания всегда выполняются в срок и с великолепным качеством. Скажу по секрету – вы представлены к правительственной награде. Грамотных, а главное, исполнительных специалистов мало, Сергей Васильевич. К тому же, глядя на вас, ну кто скажет, что вам уже шестьдесят? Мне сорок пять, а вы выглядите моложе меня. Если бы моя жена так за мной следила, я бы ей ноги мыл и воду пил. Когда вы хотите провести праздничный вечер и где?

Каштанов задумался. Он, вообще, не заморачивался на эту тему. К тому же итальянские события нанесли изрядный урон финансам.

– Наверное, здесь, в здании управления. Где у нас обычно проходят юбилеи. Юбилей будет через неделю. Это как раз пятница.

– Очень хорошо. Я поговорю с бухгалтерией. Расходы окупим. Вам как раз полагается премия. И обязательно пригласите супругу.

Совершенно растерянный Сергей Васильевич приехал домой (подвезли на машине начальника). Он рассказал о разговоре с начальником жене и добавил:

– Меня повышают, наверное, потому, что за все годы я ни об одном человеке не сказал ничего плохого. Чтобы давление не скакало.

– Ну и хорошо, что тебя, наконец, оценили. Сережа, у тебя красные пятна по лицу пошли.

Родолена закончила протирать полку с книгами. Каштанов пощупал пульс.

– Давление, наверное. Сколько лет все было в порядке.

– Ложись-ка, дорогой, на диван. Давление я тебе сейчас измерю.

Родолена Николаевна принесла тонометр.

– Ого! Двести десять на сто семьдесят.

– Странно, – сказал Каштанов, – когда хай на планерках – давление не скакало.

А тут похвалили – и вот...

– Лучше бы тебе действительно на пенсию уйти. Я тоже подарок приготовила.

В субботу поедem смотреть.

На юбилее было сказано много добрых слов о деловых, организаторских, личных качествах Сергея Васильевича Каштанова. Несколько букетов, коробок с подарками, почетных грамот.

Родолена сияла. А потом начались тосты, танцы – все, как полагается на юбилейном торжестве.

На следующий день Каштанов кое-как поднял голову от подушки. Родолена что-то готовила на кухне. Заглянула в комнату, поцеловала мужа, брызнула каким-то травяным раствором, отчего Сергею Васильевичу сразу стало легче.

После завтрака жена загадочно улыбнулась.

– А сейчас мы поедem по местам твоего детства.

Была теплая, золотистая майская погода. В зеленом велюровом жакете, юбке, шляпе Родолена Николаевна была как сказочная принцесса. К тому же выщипанные волосы были выкрашены в золотистый цвет.

Они приехали на трамвае к железнодорожному вокзалу и пошли в привокзальный сквер. Там можно было встретить старые тополя. В далеком детстве Сережа Каштанов жил в этом районе вместе с мамой и папой в доме «хрущевке», ходил в детский садик, искал жуков под кирпичами цветочных клумб. Он не знал тогда, что станет биологом, но мелкая живность почему-то всегда тянула.

Родолена подошла к старому тополи и положила на него ладони.

– Мы будем вызывать Аньеллу Дор? – улыбнулся Каштанов.

– Нет, – мягко ответила Родолена. – Мы сейчас увидим кого-то другого.

Каштанов несколько раз наблюдал сеансы Родолены с памятью старых деревьев. Каштановы погрузились на пятьдесят шесть лет назад.

– Смотри, Сережа! – Тот маленький мальчик в песочнице тебе никого не напоминает?

Сергей Васильевич глянул и вспомнил свое изображение на старой фотографии.

– Боже мой! Это же я.

– А теперь сюда посмотри. На свой подъезд. Кто из него выходит?

– Подожди, подожди. Вот наш «Москвич-401». А это отец – высокий, в очках. А из подъезда выходит мама. Какая красивая! Смотри, люди одеты по моде того времени.

– Ну, конечно. Это самое начало семидесятых годов.

Родители Сергея Васильевича умерли несколько лет назад. Они жили в разводе в разных городах.

Каштанов смотрел на свое детство. Оно всплыло в памяти очень остро. Родолена заметила:

– К сожалению, это все, что удалось тут найти. Я проверила все деревья. Во многих тополях довольно обширная гниль, почему эти деревья и обрезают. А при гнилях... Короче, гниль влияет на их память. Хвойные деревья здоровее, но тут поблизости таковых нет. Из всех старых тополей сквера – этот самый здоровый. В его памяти удалось найти данный фрагмент. Но это еще не все. Когда твои родители развелись, ты рассказывал, что вы переехали в тот дом, где был магазин «Спутник».

– Да. Я показывал тебе окна нашей квартиры на третьем этаже. Помнишь, мы заходили во двор?

– Ты рассказывал, что у тебя был друг Андрей, который жил рядом. Тоже в «хрущевке». А рядом – начальная школа № 42, в которой ты учился первые два года. Пойдем туда.

– Пойдем.

Они прошли мимо троллейбусной остановки, мимо бывшего хлебного магазина «Колосок», мимо автовокзала. Каштанов понял, почему они сюда пришли. Возле бывшего здания начальной школы росли три старых тополя.

Родолена подошла к самому крайнему дереву у дома и положила на него ладони. Обстановка изменилась. Годы, словно пролистывались назад. И Каштанов увидел, как к этому дереву подошли два первоклассника. И в одном из них узнал себя. Мальчишки стали сосредоточенно ковыряться в дупле. Часа полтора ковырялись. Маленький чернявый мальчик, его друг Андрей, сказал:

– Пошли. Нет здесь никакой белочки. И бурундука нет. В следующий раз придем.

Родолена искоса глянула на мужа. В его глазах стояли слезы. Он смотрел на себя семилетнего и был взволнован и счастлив. В последний раз он посмотрел в широко раскрытые глаза себя самого, и Родолена убрала ладони с дерева. Эпоха сменилась.

Они пошли обратно. Сели в сквере у гостиницы. Рядом когда-то стоял кирпичный дом, где жила школьная подруга Каштанова – Света. Родолена поехала. Каштанов за тридцать лет изучил свою жену очень хорошо. Женщина зябла. Несмотря на теплую майскую погоду. Это было ему очень знакомо. Он привычно взял ее кисти, вдохнул аромат душистой герани и стал греть руки жены своим дыханием. Потом прошептал:

– Спасибо, родная! Кто бы мне мог сделать такой царский подарок на юбилей.

Глава 21. МЕДАЛЬ

В это летнее утро Сергей Васильевич, проснувшись, потянулся особенно сладко. Вечером в театре драмы ему должны были вручить, в числе других, медаль.

Родолена уже не спала. Он притянул жену к себе и поцеловал в нос.

– У меня ощущение, что вся жизнь была поделена на три неравные части. Главная часть – это работа, мало кому нужная, с многолетними килограммовыми отчетами в Москву. Но за это платили деньги. Вторая часть – значительно меньшая, когда мы пытались отыскать твои корни и спасались от разной нечисти. Об этом когда-нибудь расскажут...наверное. А может, и нет. И, наконец, третья – несколько десятков стихов. Есть некоторая надежда, что одно-два будут периодически переиздаваться в юбилейных областных антологиях. М-да, негусто перед надвигающейся вечностью.

Родолена погладила ему седые волны волос.

– Но разве ты хоть раз пожалел о том, что жизнь сложилась именно так, а не иначе?

– Нет, ни разу не пожалел.

– Что и требовалось доказать.

После завтрака на застекленном балконе Каштановы возились с таинственным семечком. До торжественного события оставалось довольно много времени. И Родолена захотела удивить публику каким-то, известным лишь ей, растением. Двубортный костюм Сергея Васильевича нежнейшего оттенка морской волны висел на плечиках. На других плечиках красовалось шелковое длинное серебристо-зеленое платье Родолены без рукавов и прозрачно-зеленый большой платок.

А пока супруги занимались приготовлением к чуду. Сергей Васильевич развёл какие-то иностранные удобрения и добавки, взвешивая их на мелких весах, а Родолена Николаевна очень тщательно добавляла в землю, рыхлила ее. Видимо, растение было весьма привередливо. Родолена просчитала на бумажке, сколько граммов и даже миллиграммов должно составлять то или иное удобрение. Она очень старалась. Тщательно перемешав с десятков добавок, Родолена взяла, наконец, семечко и засунула его в землю. Сергей Васильевич собрался было с балкона войти в комнату. И вдруг какая-то неведомая сила подняла в воздух его и жену. Прямо под потолок. Хорошо, что балкон был застеклен и по стене ползли вьюны.

– Дорогой, ты как себя чувствуешь? – спросила Родолена спустя минуту.

– Да как тебе сказать. Не знаю, что делать.

– Представь, что ты купаешься, и плыви ко мне.

И Каштанов поплыл, раздвигая воздух руками. Причем смотрелось это комично, поскольку на супругах были зеленые резиновые перчатки и зеленые фартуки, нагрудники которых жена когда-то украсила буквами «С» и «Р». Родолена сказала, что добавки весьма ядовиты.

Сергей Васильевич подлетел к жене, с третьей попытки ухватил ее за руки и они медленно опустились. Родолена сказала:

– Держи меня, я целлофаном накрою растение. Совсем забыла, что при прорастании оно дает огромную силу. К счастью, она весьма короткая по времени. Скоро пройдет.

Пока Сергей Васильевич держал жену, она укутала горшок в большой кусок целлофана таким образом, чтоб внутри оставался простор.

Потом Родолена в ванной комнате положила фартуки в таз с водой, сыпанула туда порошка, в мыльной проточной воде промыла две пары резиновых перчаток, а Каштановы тщательно отдраили руки.

– А игра стоит свеч? – спросил Каштанов, сев на диван.

– Думаю, да.

Весь день Каштановы смотрели телевизор, а за два часа до торжества стали собираться. И хотя костюм жена нашла Сергеем Васильевичу в стоковом магазине, он был очень хорош. Да и сама она в дивном шелковом платье в стиле Жаклин была неотразима. Надев кольца и браслет с фениксом поверх высоких шелковых перчаток и разглаживая их, Родолена сладко потянулась и сказала:

– Боже мой, как приятно защититься от холода и пошлости.

Цветок был уложен в красивый полиэтиленовый пакет. Каштанов заказал такси, и они поехали в театр.

Театр был построен во второй половине семидесятых годов в стиле того времени. Двадцать лет спустя колонны были обиты металлом, фасад более-менее облагорожен.

В театре они поднялись на третий этаж, где был балкон. Родолена вытащила из пакета цветок и сказала:

– Сережа, развяжи целлофан, пожалуйста.

Каштанов развязал целлофан. В горшке оказался очень большой золотистый бутон. Причем по золотому фону переливались серебряные огоньки, словно по вечерней Эйфелевой башне.

Родолена неслышно прошмыгнула в приоткрытую балконную дверь и тут же вернулась обратно. Она засунула целлофан в пакет, и Каштанов унес его в туалет.

А потом они прошли в зрительный зал по пригласительному билету на двоих, сели в шестой ряд у прохода и действие началось.

Минут через сорок пришла пора награждения. Сергея Васильевича в числе других вызвали на сцену, и заместитель губернатора прицепил ему золотую медаль.

И когда Каштанов стал спускаться со сцены, откуда-то сверху раздался негромкий хлопок. И в зал посыпались цветы. Это были орхидеи.

Но это было еще не все.

Многие в зале знали Родолону Николаевну. Она встала с места, произнесла какой-то звук, и откуда-то появились белые и желтые бабочки. Их было очень много. Родолена водила правой рукой по воздуху, а бабочки, слетевшись на сцену, составили на ней надпись белым по желтому – Сергей Каштанов.

Зрители восторженно захлопали. Надпись рассыпалась.

Бабочки полетали над стоящими рядом Родолоней Николаевной и Сергеем Васильевичем, потом взмыли под потолок и вылетели в балконную дверь.

А еще через полтора часа был фуршет для награжденных. После пары общих тостов Каштанов на тарелку набрал бутербродов, взял два бокала с шампанским и они с женой сели подальше на один из многочисленных театральных диванов. Играли минусовки, актеры пели, а Сергей Васильевич и Родолена Николаевна кормили друг друга бутербродами, и этот вечер стал одним из самых счастливых вечеров в их жизни.

Только для них на этом он не кончился.

Когда супруги вышли на улицу, Родолена задумчиво сказала, подняв голову:

– Сережа, а давай на крышу театра залезем.

– Зачем? – недоуменно спросил Каштанов.

– Я никогда не была на театральной крыше. К тому же хочу танцевать. Мы не успели как следует потанцевать, когда окончилась моя первая жизнь. Потом все время были заняты. А сегодня в театре играли что угодно, но не было вальсов. А я так хочу потанцевать вальс!

В глазах Родолены сверкали шальные огоньки. Она достала пакет для одежды.

Каштановы зашли за колонны, быстро разделись, обернулись во вьюны и с пакетом зазмеились по колоннам на крышу театра. Там они опять превратились в людей.

– Господи, блаженство-то какое! – воскликнула Родолена и сладко потянулась.

– А где мы возьмем вальсы? – спросил Сергей Васильевич.

– А техника на что?

Родолена включила в сотовом телефоне вальс, и они упоенно закружились с мужем по крыше. Вальсы менялись, а они все кружились и кружились и никак не могли успокоиться.

Домой вернулись под утро.

Глава 22. ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ

И Родолена Николаевна, и Сергей Васильевич никогда не мучились вопросом – для чего они живут? Бывает, что отдельные люди задают себе этот вопрос. В чем смысл жизни? И так далее. Но образование у супругов Каштановых было биологическое. Может быть, в силу этого, Сергей Васильевич верил только в то, что мог ощутить: погладить, понюхать, попробовать и т.д. Родолена, будучи женщиной-растением и не зная, когда жизнь прервется, просто не хотела об этом думать. Каштановы всю жизнь придерживались принципа: делай свое дело и будь что будет. И пытайся вносить в эту жизнь столько гармонии, сколько позволяют образование, способности и разумный эгоизм.

Отработав, после выхода на пенсию, еще пять лет, Каштанов окончательно уволился. Ему предлагали стать заместителем директора лесного музея, но он не согласился. Расставаясь с ним, коллеги подарили Сергею Васильевичу неплохой фотоаппарат. Весьма приличная мыльница. И он увлекся фотографией. Все, что Каштанов делал – он делал весьма основательно. Сергей Васильевич фотографировал растения, пейзажи. Провожая жену до университета и встречая ее после лекций, он успевал наснимать в университетской роще 15-20 вполне приличных кадров.

Вот и сейчас, в начале сентября, Сергей Васильевич поднимался по ступеням университета на кафедру ботаники. Время было еще лекционное. На кафедре Родолены Николаевны не было, но напротив была приоткрыта дверь в аудиторию. В нее было два входа: со второго этажа и с первого. Аудитория лестницеобразно поднималась. В ней Сергей Каштанов слушал в свое время лекции, когда учился на биолого-почвенном факультете.

Сергей Васильевич подошел к двери. Странно. Родолена обычно читала лекции по высшим растениям. А сейчас она рассказывала про грибы. Как всегда, с блеском.

Спустя десять минут раздался звонок, и Сергей Васильевич вошел в аудиторию. Жена просияла.

– Сереженька! Как хорошо, что ты пришел. Помоги, пожалуйста, отнести таблицы на кафедру. Заболели сразу и преподаватель микологии, и лаборант. Мне пришлось читать о довольно редкой группе грибов.

Жена неважно выглядела и дышала с одышкой. Каштанов испытал прилив любви и жалости. Он поцеловал Родолenu, взял таблицы и, стараясь не выдавать волнения, очень спокойно ответил:

– Читала, кстати, великолепно! Когда я учился, материал о диктиофоре двояной нам дали на самостоятельное рассмотрение, а я, увы, проигнорировал. Теперь, через сорок лет, услышал. Ее жизненный цикл слушается как поэма. Только почему сейчас так рано стали давать эту группу? Раньше ее проходили минимум через несколько месяцев. Как пойдём – через аудиторию или по коридору?

Родолена погладила мужа по щеке и сказала:

– По коридору. Тут очень высокие ступени, да и обе двери надо закрыть.

На кафедре никого не было. Родолена Николаевна поманила мужа за шкаф, где стоял кафедральный обеденный стол, и включила чайник.

– Сегодня в буфете были довольно редкие булочки с очень вкусным кремом. Я взяла. А чай – совсем необычный, и прислали мне его издалека.

Каштанов попробовал чай.

– Боже ж ты мой! Дивный напиток.

– Я знала, что тебе понравится.

Прошло две недели. Родолене предложили принять участие в конференции по микологии. В Подмосковье. Жена позвала с собой Сергея Васильевича, и он согласился.

Конференция в городе Пушкино шла два дня. Впереди были еще сутки. Супруги решили сходить в лес. Они с наслаждением вдыхали теплый сентябрьский воздух. Вдруг Сергей Васильевич окликнул жену.

– Смотри, какой необычный гриб. Стоп, уж не диктиофора ли это? Дама под вуалью.

Родолена подошла поближе.

– Правда, диктиофора. Вот это чудо! Молодые грибы, когда они еще в стадии округлого состояния, скажем так, яйца, съедобны.

Женщина беззвучно пошевелила губами. Каштанову показалось, что дама под вуалью повернула к ней свою шляпку. Родолена сказала:

– Слушай, а она ведь сегодня будет давать последний бал. Интересное зрелище. Посмотрим?

– Посмотрим, если не замерзнем.

– Я-то, может быть, замерзну, но ты-то меня согреешь?

– А что я делаю последние несколько десятилетий?

Ждать пришлось часа два. Благо, росла диктиофора не очень далеко от трассы. Вот на небе появились звезды.

Картина была действительно примечательной. На грибную вуаль прилетели жуки-навозники, различные мухи, даже редкие в эту пору комары. Они кружились вокруг гриба в странном волшебном танце, пока дама под вуалью не превратилась в кучку слизи.

Каштанов посмотрел на жену. В ее глазах стояли слезы. Она прошептала:

– Вот и мы так. Только она быстрее.

Сергей Васильевич достал и зажег фонарик, а Родолена вынула из кармана плаща маленькую баночку и собрала слизь.

– На память? – улыбнулся Каштанов.

– Я посмотрю на твою поясницу после сегодняшней ночи. Эта слизь – хорошее средство от радикулита.

Каштановы возвращались в свой город поездом. Кроме них, в купе никого не было. У Родолены Николаевны и Сергея Васильевича были нижние полки.

– Что ты пишешь, Сережа? – спросила жена.

– Сейчас закончу.

Минут через пять Каштанов обессиленно откинулся на подушку.

– Вот, посмотри.

И передал жене блокнот.

– Решил стихи написать. Вдохновение нашло.

Только сутки живу. День расту, ночь гуляю до страсти.

Из грибного яйца выметается тело мое.

Только сутки живу. Я невеста у Бога во власти.

И летят мне навстречу жуки, мухота, комарье.

Вас, ночные мои, световая вуаль полонила.

Не обжечь бы вам крылья об этот холодный огонь.

Не дано вам понять, как отчаянно небо молила

О минуте единой короткой. Но что вам с того!

Генетический код обернулся холодной издевкой.

Гаснет жизнь на холодном и влажном ветру...

Мой отчаянный крик – Не желаю я быть однодневкой

Потихонечку тает над кучкою слизи к утру.

Родолена вернула ему блокнот, и в ее глазах он привычно прочел восхищение.

Глава 23. МЕЛОДИИ ЛЕСА

Сил у Родолены Николаевны и Сергея Васильевича оставалось все меньше. Иногда женщина собирала газетные и журнальные статьи со своими научными публикациями и уносила их в университет, в кафедральную библиотеку. Время от времени туда же пристраивала книги, но так, чтоб окружающие ни о чем не догадались. То же самое решил сделать Сергей Васильевич. Он набрал целый пакет журналов и книг для лесного музея и предложил жене сходить по грибы.

Каштановы любили ходить в лес. Любили, и потому что они были люди-растения, а особенно с возрастом.

После возвращения с конференции, в первую субботу октября, решили проехать на автобусе в поселок Тимирязево, где был музей, а потом занырнуть в соснячок и набрать последних маслят и моховиков.

Краснокирпичный музей приветливо смотрел на них.

С директором Каштановы прошли в залы. Родолена с удивлением увидела портрет мужа среди других ветеранов лесного хозяйства.

– Сережка, я с ума сойду! Ты экспонат музея?!

– Да вот, довелось сподобиться. Несколько десятилетий руководил отделом, был замом начальника. Решили, что достоин.

Каштанов отдал журналы и книги, в кабинете директора он с женой попили чаю с бутербродами, сердечно попрощались и откланялись.

Пройдя меж домов и дач, вышли к соснам и стали искать грибы. В такое время грибники оставляют мало шансов что-то найти, но Каштановы были необычные

люди. Они слышали тонкую беседу грибов, гораздо обостренной ощущали их аромат. Даже несколько поздних боровиков удалось отыскать.

– Лесной осенний болет, – неожиданно сказал Каштанов.

– «Болет», потому что болетовые грибы собираем?

– Ну да. Маслята, моховики, белые – это ведь болетовые грибы. А если не вслушиваться в букву «о», то будто прощальный грибной танец. Поэтические образы вокруг нас. Только нам нужно было чаще дарить себе этот праздник. А то, подумать только – тридцать лет я усылал в Москву килограммы глупой отчетности, только ради того, чтоб жить более-менее прилично.

– Зато мы побывали во многих странах и сделали то, что было необходимо за нашу с тобой жизнь.

Супруги сэкономили силы. Когда ветер дул Каштановым в спины, они превращались в перекасти-поле и катились. Если случайный прохожий увидел бы их, он весьма удивился бы, потому что целлофановые пакеты летели по воздуху, держась за движущуюся траву перекасти-поле.

Они вышли к озеру. Каштанов задумчиво посмотрел на местность.

– Раньше здесь стояла старинная дача. Очень красивый деревянный терем. Потом он сгорел.

– Сережа, смотри, какая интересная сосна. Она похожа на лиру.

Роскошное дерево с двумя изогнутыми ветвями смотрело на озеро. Каштанов протер очки.

– А всего-навсего маленькое насекомое отъело центральную почку, и стали ветви формироваться лирообразно.

Родолена подошла к дереву и положила на него ладони.

– Знаешь, Сережа, а ведь это царское дерево.

Каштанов протер очки.

– В смысле, царское?

– Оно видело или царя, или генсека.

– Ты это чувствуешь?

– Да. Ориентировочно, начало двадцатого века.

– Тогда это либо Николай Второй, который проезжал через наш город, будучи наследником престола, либо Иосиф Джугашвили-Сталин, когда он был в ссылке и тоже, вероятно, мог видеть эти места. Честно говоря, не уважаю ни того, ни другого. Царя, за слабость и за то, что власть упустил, а Сталина за паранойю и кровожадность. Хотя Иосифа Виссарионовича многие пытаются оправдать.

– Я полностью с тобой согласна. Давай немного подкрепим силы, и домой пойдем.

Родолена постелила на сосновую хвою теплую флисовую подстилку и достала бутерброды с маслом и сыром. Сергей Васильевич вытащил из кармана куртки плоский флакон с брусничным морсом и пару пластиковых стаканчиков.

Родолена хитровато улыбнулась.

– Сережа, достань, пожалуйста, целлофановый мешочек.

Каштанов недоуменно порылся в кармане и вытащил его.

– Держи раскрытым передо мной. Сейчас я тебе один фокус покажу.

Родолена подняла правую руку над пакетом и внезапно из каждого ее пальца посыпались ягоды. Из большого – клюква, из указательного – брусника, из среднего – черника, из безымянного – голубика, из мизинца – облепиха.

Сергей Васильевич изумленно покачал головой.

– Я тебе никогда не перестану удивляться. Как ты это делаешь?

– А вот. Мы с тобой потратили бы на сбор часа три. И то вряд ли насобирали бы столько. Я придумала способ.

– Покажи руку, – попросил Сергей Васильевич.

– Пожалуйста, – улыбнулась Родолена. – Не беспокойся, в пальцах трубок нет.

– А как ягоды сыпались?

– А угадай.

– Не могу понять.

– Какое ты у меня еще дите, Сережа!

Родолена откинулась на сосну и долго осторожно гладила седые волнистые пряди Каштанова. Сергей Васильевич положил голову жене на колени.

– Хочется что-то красивое напоследок сделать – задумчиво сказала женщина. – Когда мы еще сюда придем. Приподнимись, Сережа.

Родолена сделала серию, каскад превращений. Вначале – в куст рябины, потом – в малиновый куст, затем – в маленький кустик черники. Самое интересное, что она, обернувшись тем или иным растением, умудрялась сделать какой-нибудь тончайший аккорд. Эти аккорды, сливаясь, образовывали такую неземную, переливную, божественную музыку, что у Сергея Васильевича перехватило дыхание. Он только замечал, как фигурка жены превращается в растения, потом снова в человека, потом...

И так многократно. Сама природа, зелено-золотая, нежно-малиновая, оранжево-розовая, отзывалась каждой растительной клеточкой. Родолена вызванивала мелодию прутиком по коре и листве, капелькой влаги по цветку, легким поцелуем ягод.

– Как ты это делаешь?! – крикнул восхищенный Каштанов.

И емкий, словно орган, голос Родолены зазвенел над кронами сосен.

– А ты попробуй, Сережа! Ты же музыкант. Слушай свое сердце и настройся на мелодию природы.

Каштанов попробовал, и у него получилось. Только его музыка была чуть более торжественной, чем у жены, на манер вальса Штрауса. Когда их мелодии слились, они одновременно нырнули в землю и продолжили играть по корням растений. Они и сами превращались в растения, и мелодия оборачивалась мощной симфонией тончайшей игры на корнях древесных пород. Потом супруги переплелись в притягательных поцелуях растительного царства и вечной сказке любви.

Мелодия умолкла. Каштановы приобрели человеческий облик и долго стояли, обнявшись. Потом взяли грибы и ягоды и пошли к трассе.

Глава 24. НЕЗАБУДКИ

Вот и пришло то, что Родолена и Сергей Каштановы гнали от себя всеми силами. То, что уже невозможно было поправить ни смолой драконового дерева, как когда-то, ни еще чем-либо. Остаток жизни Сергея Васильевича Каштанова, которым он щедро поделился в свое время с женой, заканчивался. С момента начала второй жизни Родолены прошло семнадцать лет. Каштановы одновременно как-то сдали. Нет, фигуры у супругов оставались стройными, но волосы после сгораний-возрождений становились не зелеными, а седыми.

Сергей Васильевич Каштанов перестал закрашивать седину, однако пытался бороться с коварной старостью, одно время, бегая по утрам. Но, кроме усталости, занятие спортом ничего не приносило. Родолена Николаевна три года назад защитила докторскую диссертацию, а спустя год стала профессором. Каштанов приезжал по-прежнему ее встречать после занятий. Лекций становилось все меньше. Родолену подводило здоровье. Откуда-то пришла коварная слабость. И все равно, когда она видела мужа, в ее глазах вспыхивало такое огромное счастье, что окружающие любовались.

И пришло время ехать в Рим. Поначалу они планировали сгореть в зеленом огне на кладбище Тестаччо. Но поскольку это был не последний, а предпоследний цикл, решили просто выбрать место в Риме, предупредив Николо. Это был единственный шанс возродиться, если не в своих обличиях, то хотя бы в виде потомства.

Позвонили Николо. Старый ученый был еще жив, хотя и разменял десятый десяток. Нет, конечно, они вначале связались с ним по скайпу. Он внимательно посмотрел их лица и развел руками.

– Единственное, что я могу для вас сделать, – попытаться посадить и вырастить ваше зерно. Вы этого заслуживаете.

– Мы этого и хотим. Но если из зерна родятся мужчина и женщина, вы сделаете так, что они будут знать русский язык?

– Непременно.

Каштановы окончательно попрощались в своем городе со всем тем, что было им дорого. Потом – газель до Новосибирска и самолет до Рима.

В Риме остановились там же, на улице Буонарроти. Утром позавтракали пищей с морепродуктами у Колизея, потом долго гуляли по Риму и через площадь Венеции, мимо Пантеона, решили пойти на площадь Навона. Сергей Васильевич вначале предложил облюбовать какое-нибудь место для финала. Родолена предложила фонтан и сказала:

– Какая разница, куда упадет зерно. Я хочу удобство в последний час.

– Интересно, а на Тестаччо кошка Татьяна жива?

– Наверяд ли.

Они присели на круг знакомого фонтана около художников. И Родолена позволила Николо. Кратко назвала место, где они остановились, и время, когда ему следовало подойти – около восьми вечера. Каштановы научились чувствовать время сгорания. Когда-то – с точностью до дня. В последние годы – с точностью до часа. Родолена и Николо обменялись несколькими фразами, и женщина отключила телефон.

Она долго молчала, потом спросила:

– Сережа, а тебе никогда не хотелось детей?

– Не знаю, – ответил Каштанов. – Когда я был маленький, года в три, на станции Тайга жила моя бабушка. У нее был деревянный дом. А в палисаднике росли незабудки. А там была девочка Оля, старше меня на три года. И она стала рвать цветы. И получился большой букет. Я смотрел на него, и такая вдруг радость охватила. Сам не знаю, почему вспомнил. Да, еще. У президента США Рональда Рейгана в последние годы была болезнь Альцгеймера. Если верить средствам массовой информации, он поочередно забыл всех внуков, всех детей. Не знаю, помнил ли он в конце жизни свою жену Нэнси. Какое счастье, что мне некого забывать. Я благодарю тот миг, когда сгорел в зеленом огне вместе с тобой.

– А ты не жалеешь о том, что прожил только 67 лет, а не 84, как мог бы, если бы не поделился своей жизнью со мной?

– А дожил бы я до 84 без тебя? Я бы спился. Да и потом – ну что хорошего, жить старым одиноким импотентом.

Родолена улыбнулась.

– А может, ты сошелся бы с кем-нибудь. С Анжеликой той же.

– Я не любитель исторических наслоений.

Родолена просунула пальцы левой руки в правую руку Каштанова и сказала:

– Хорошо, что ты вспомнил незабудку. У нее другие названия красивые – горлянка, пригожница.

Каштанов поцеловал жене каждый пальчик на руке и сказал:

– Название «пригожница» очень подходит для тебя.

– Лъстец.

Родолена поправила ему прядь седых волнистых волос.

– У Вознесенского хорошие строки: «Исчезнут все. Только ты не из их числа. Будь из всех исключением. Не исчезай».

Левой рукой Сергей Васильевич обнимал жену.

– Мы просто растворимся друг в друге. И потом, как я понял, в случае плодотворности зерна, из него мы опять появимся. Ну, может быть, не мы, но наши, так сказать, дети...

После звонка Родолены старый ботаник с трудом слез с дивана и заказал такси. Потом подошел к шкафу. Вытащил папку, написал на белом листе на итальянском: «Родолена и Сергей Каштановы». Подумал и приписал: «Вторая жизнь». Походил по комнате, потом еще вывел «Продолжение?» Поставил знак вопроса, пристроил лист на обложку папки и стал собираться. Зазвонил сотовый. Николо вышел на улицу.

Такси долго кружило его по вечному городу. К площади Навона Николо подошел пешком. Он был дальнзорок и увидел Каштановых издали, стоя около уличных музыкантов. Николо зашел в кафе, заказал панна-котту и зеленый чай, откинулся на стуле и стал ждать. Торопиться пока было некуда.